

Дмитрий Силлов

ЗАКОН «ДЕГТЯРЕВА»

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов
Закон «Дегтярева»

«АСТ»

2015

Силлов Д. О.

Закон «Дегтярева» / Д. О. Силлов — «АСТ»,
2015 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-089784-1

Снайпер шел в Кремль, надеясь на то, что его все еще ждет там девушка с глазами цвета чистого неба. Он шел в Кремль... А попал в Зону. Чернобыльскую Зону, проклятую им многократно. Зону, в которой с нетерпением ждут его старые враги, чтобы поквитаться за прошлое, и по которой все еще бродят старые друзья. Те, кто исповедует жестокий, но жизненный закон Зоны – у кого в руках пулемет Дегтярева, прокачанный артефактами, за тем и правда.

ISBN 978-5-17-089784-1

© Силлов Д. О., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Дмитрий Олегович Силлов

Закон «дегтярева»

© Д.О. Силлов, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанры» издательства «АСТ», и Вячеслава Бакулина, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанры» издательства «АСТ», за поддержку и продвижение проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за ценные советы в процессе работы над данным романом;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru; www.kreml2222.com; www.real-street-fighting.ru; Алексея Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»; Сергея «Ион» Калинцева, корреспондента литературного портала www.litstalker.ru, и Виталия Градова, администратора литературного портала www.stalker-book.com, за помощь в интернет-продвижении проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»,

а также Алексея Лагутенкова, сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

* * *

Что означает слово «сталкер»?

Говорят, что этот термин придумали когда-то давно два великих русских писателя, и с английского данное слово можно перевести двояко: «гордо шествующий» и «крадущийся».

Думаю, все-таки те писатели имели в виду второе. Потому что если в Зоне гордо шествовать, высокомерно поплеывая в кусты с высоты своей значимости, то скорее рано, чем поздно из тех кустов прилетит пуля, метательный нож либо юркое, тощее, зубастое тельце какого-нибудь мутанта, норовящего вцепиться в высокомерно оттопыренный кадык. Или просто в аномалию вляпаешься, задрав нос выше линии горизонта.

А вот «крадущийся» – это точно про нашего брата. Без этого в любых Зонах никак не обойтись. От того, сколько метров ты прошел «гусиным шагом», скрываясь за естественными препятствиями, или прополз на брюхе, утюжа им полумертвую серую траву, зачастую зависит то, насколько долго ты проживешь.

Вот и сейчас мы с Рудиком крались вдоль развалин какого-то строения, выискивая наиболее подходящее место для наблюдения. Рудик – это мой напарник, мутант с человеческими мозгами, с виду похожий на лемура-переростка. Правда, лемура боевого, в камуфляже-песчанке, с автоматом АКСу, пистолетом «Глок» и тяжелым ножом «Катран» на поясе.

А я... Я тот самый бродяга-снайпер, путешественник между мирами, так и не нашедший ни в одном из них своего угла. Правда, недавно обретший память о своем прошлом и по этому поводу вернувшийся в Москву. Зачем? А чтобы вновь увидеть свою жену, о которой некогда запретил себе думать. Повод нашел, ага. Мол, я все вспомнил, и поэтому давай-ка, дорогая, с разбегу бросайся мне на шею. Сомнительная причина для броска, тем более что я сам ушел от

своей Маши, которую так долго звал Сорок Пятой, даже не подозревая, кто она есть на самом деле...

Стоп. Сейчас не время исходить мелодраматическими переживаниями. Хотя бы потому, что там, впереди, в трехстах метрах отсюда горбатится печально знакомый мне мост через Канал, на котором я однажды чуть не окончил свой жизненный путь. «Чуть», конечно, не считается, но сейчас была явная опасность повторить старое приключение, причем уже без всяких «чуть».

Ибо на мосту теперь находился блокпост, состоящий из двух внедорожников, поставленных морда к морде и оснащенных легкими заокеанскими пулеметами «LWMMG», смонтированными на крышах автомобилей.

Рядом с пулеметами из люков торчали полуростовые живые мишени в касках, а вдоль мобильного блокпоста бесцельно бродили еще полдюжины вооруженных вояк, имеющих весьма смутное представление о патрульно-постовой службе. Впрочем, им простительно. «LWMMG» в случае надобности до Купола добьет в легкую, так что им особенно париться нечего. Пулеметчики с господствующей точки «держат» все видимое пространство, так что группе сопровождения вполне можно пинать баклуши, не особо напрягаясь по поводу службы.

И что за служба у них – понятно. Если кто найдет проход через Купол, то моста им не миновать. Тут их и встретят бравые пулеметчики. Хочешь в Москву? Плати – и проходи. Сколько платить? А сколько тем пулеметчикам захочется. Скорее всего, придется отдать все, что у тебя есть. Ну а там, за мостом, гуляет нехилая стая крысособак, ожидая тех, кто рискнет пойти в столицу без оружия. Это я хорошо помню, встречались...

– Не пройдем, – прошептал Рудик. – Обход нужно искать.

– Надо пройти, – отозвался я. – Другого хода, скорее всего, нет. Тем более что плавать ты не умеешь.

– Не умею, – вздохнул Рудик. – Ну, надо – значит, надо. Тогда я поплыл. А ты стереги мой автомат.

И не успел я рот открыть, чтобы возразить, как большеглазый мутант, аккуратно прислонив свой АКСу к обломку бетона, выскочил из-за укрытия наружу.

Надо отметить, выскочил грамотно, прижимаясь к земле, и на такой скорости, что не поймешь сразу, то ли мелькнуло чего-то, то ли показалось. Это Рудик умеет. Этим все его племя спиров славится – скоростью передвижения... а также умением дрыхнуть беспробудно, жрать за троих и обманывать Мертвые Зоны. Но, в то же время, Рудик, которого я подобрал где-то между Петербургом и Москвой, успел показать себя надежным боевым товарищем. И сейчас я искренне переживал за него, гадая, что он задумал и куда направляется.

Впрочем, куда – и так понятно.

Справа от моста виднелись два приземистых здания, обстоятельно превращенных в крепости. Судя по архитектуре – бывшие автоцентры, прекрасно сохранившиеся и достойно укрепленные. Надстроенные пулеметные бронеколлапы на крышах, колючая проволока по периметру, вышки – все как положено. Чтоб чужой не проскочил, дабы своим жилось комфортно. И сейчас там, возле вышек, подозрительно шевелилась невысокая трава – будто порывом ветра ее примяло. Эх, главное, чтобы тот хвостатый ветер не углядели наблюдатели. Иначе не помогут ему ни его «Глок», ни тем более нож, в небольших лапках смахивающий на полноценный меч.

Я отнял от глаза половинку бинокля, сморгнул, слегка помассировал веко и принял к окуляру снова. Если что, я один-то магазин из своей СВД отстрелять успею, прежде чем пулеметчики сделают из меня кровавую отбивную, густо фаршированную свинцом.

Прошла минута... Вторая... Пятая...

Тишина.

Я начал немного нервничать. Если ушастого повязали, придется идти выручать. А с учетом боевой оснащенности автоцентров это равносильно самоубийству. Но я ж все равно пойду, так как бросать товарища на войне – распоследнее дело, даже если товарищ тот ростом меньше метра, хвостатый, мохнатый и наглый как танк.

И тут ближайший ко мне автоцентр вздрогнул, словно раненый жук-медведь. Из всех его амбразур плеснуло неистовым огнем, а над мгновенно развороченной крышей взлетел стальной бронеколлап и медленно так, неторопливо начал падать вниз, лениво вращаясь в воздухе.

По вышкам хлестанули обломки бетона. Одну из них просто снесло куском стены, словно кто-то долбанул молотком по хлипкому макету, склеенному из спичек. Вторая накренилась, но устояла. А на третьей, опять же неторопливо так, не спеша, перевалился через борт и полетел вниз труп, лишенный головы, – похоже, один из многочисленных обломков здания, брызнувших во все стороны, просто снес ее напрочь. Вот и летел сейчас вниз пулеметчик, разбрызгивая кровь во все стороны из рваной раны между плечами. Сердце-то еще работает...

Но это было не главное. Постапокалипсис – это та же война, на которой смерть есть дело обычное, обыденное, каждодневное и привычное. Сейчас меня больше интересовало другое.

По дороге от автоцентра, разорвав хлипкую ограду из колючей проволоки, летел черный гражданский «Хаммер» в мегапацанском обвесе – с мощным стальным «кенгурятником» впереди и агэсом на крыше, мотающимся без присмотра туда-сюда.

По тому, как машина рыскала из стороны в сторону, словно пьяный гепард, было ясно, что шофер за рулем либо вдумчиво всю ночь расправлялся в одиночку с ящиком крепкого алкоголя, либо имеет очень приблизительный опыт вождения автомобилей.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, чьи лапы потрудились над взрывом автоцентра и кто сейчас управляет «Хаммером». А еще было понятно, что секунд через тридцать пройдет шок у тех кадров, что перегородили мост, и они превратят «Хаммер» в решето...

Не люблю я убивать людей, не сделавших мне ничего плохого. Но порой приходится действовать на опережение, так как в любом из миров на тот свет первыми отправляются те, кто много думает о моральных составляющих своих поступков. Их просто тупо мочат те, кто не заморачивается.

Поэтому, пока в головах пулеметчиков не созрела здравая мысль расстрелять странный автомобиль, я вскинул СВД и двумя выстрелами вышиб из этих голов зародыши продуктивных мыслей вместе с мозгами. Для приличного снайпера с расстояния в четыреста метров отработать по неподвижной мишени есть задача несложная – а я без ложной скромности считал себя неплохим снайпером.

Правда, после того, как головы пулеметчиков раскололись, словно гнилые орехи, выплеснув наружу белесо-кровавые фонтаны, остальные цели на мосту пришли в движение. А именно – попадали в положение лежа, выставив вперед свои автоматы и пытаясь сообразить, откуда стреляли.

Но лежать на голом мосту без приличного укрытия под снайперским огнем – дело неблагодарное. Это при нецельной стрельбе прокатить может, когда обе стороны поливают друг друга очередями, создавая повышенную плотность огня. Когда же стрелки разлеглись красиво на ровном месте, как пельмени на тарелке, толку от этого немного. Во всяком случае, для них.

В общем, отстрелял я магазин, сменил на полный, но больше стрелять не стал. Те, кто представлял опасность, лежали на мосту, уткнув развороченные лица в лужи собственной крови. А оставшиеся более умные грамотно укрылись за капотами своих внедорожников.

Это в плохих боевиках герои за дверцами машин успешно прячутся, и те дверцы пули не берут. А в жизни автомобиль ценен как укрытие лишь в том случае, если ты за капотом прячешься. Движок эсвэдэшная пуля не пробьет, а все остальное от передней стойки до самого фаркопа прошьет словно картон.

Укрылись – и ладно. Значит, не опасны. Пока что не опасны. Но с минуты на минуту могут набраться смелости и начать стрелять в ответ. А пуля, как известно, дура. Может попасть в цель, даже если выпущена руками, трясущимися от избытка адреналина.

Но тут к моему укрытию с ревом подлетел «Хаммер». Вернее, влетел в него, выбив «кенгурятником» из полуразрушенной стены тучу кирпичной пыли – и заглох. Правда, из недр машины немедленно раздался истерический вопль:

– Давай быстрее!!! Я же из-за торпеды ни хрена не вижу!!!

Ну да, понятно. При росте Рудика еще удивительно, как у него ноги до педалей достают. И тем более интересно, как это он вообще умудрился целую крепость взорвать, да еще и машину из нее угнать?

Впрочем, расспросы – это потом, в спокойной обстановке. Сейчас же мутант прав. Действовать нужно быстрее, пока не очухались уцелевшие воины на мосту и из второго автоцентра не подспела к ним подмога.

Я подхватил оружие – свое и Рудика – и бросился к машине.

Отлично. Рудик уже перелез на пассажирское сиденье и смотрел на меня глазами, напоминающими блюдца. Боялся. Он всегда такой. Сначала делает – танк взорвет, например, или кошмарному чудовищу башку прострелит – а потом боится до нервной трясучки. Это нормально. Это намного лучше подавляющего большинства тех, кто просто трусит, и потому ни черта не делает.

«Хаммер» завелся сразу. И это тоже отлично. Можно сказать, повезло, что машину не успели изрешетить пулями. Видать, не особо крутые профессионалы военного дела сидели во втором автоцентре. Расслабились от собственной крутости. А могли бы запросто достать странный автомобиль из пулеметов. Но – не достали. Подвисли в ступоре от произошедшего, дав мне толику времени для маневра.

Успею ли? А черт его знает. Но попробовать надо.

Ну, я и попробовал. Развернулся – и дал по газам, разгоняя тяжеленную машину до максимально возможной скорости. Получится ли задуманное? Ох, не знаю, не знаю... Но другого выхода все равно нет.

– Пристегнись, – бросил я Рудiku.

– Чего?

Понятно. Отходняк. Ни черта не соображает после содеянного. А мне уже пристегиваться поздно...

– В торпеду упрись! – заорал я, сам отжимаясь от руля, как спортсмен от брусьев. Потому что впереди стремительно приближались сдвинутые капоты внедорожников, меж которыми я направил «Хаммер». Главное, чтобы подушки безопасности не сработали... Одна надежда, что за столько лет давление в них пропало. Хотя дьявол знает этих авторэкетиров, могли и подкачать... И даже если все получится, хорошо же мы будем смотреться, когда нам в морды ударят те подушки...

Впрочем, через мгновение мне стало не до подушек. Так как там, впереди, происходило нехорошее. К пулемету, что торчал на крыше внедорожника, пристраивался какой-то выживший хрен в камуфляже, плотоядно щерясь щербатой пастью. Как же не вовремя!!! Впрочем, смерть – она всегда приходит не вовремя...

Я видел, как щербатый наводит ствол прямо мне в лицо, как медленно, неторопливо так нажимает на спуск. Я хорошо это видел, так как находился метрах в двадцати от стрелка, когда ствол его пулемета начал мигать короткими вспышками. В такие минуты мое личное время всегда немного притормаживает – наверно, чтобы я смог рассмотреть в деталях, как меня убивают...

В лобовое стекло ударили пули...

Но странное дело – прямое попадание пулеметной очереди никак не нем не отразилось. Разве что чуть помутнели места контакта раскаленного свинца с прозрачной поверхностью.

А потом я услышал визг рикошетов...

«Пуленепробиваемое... Машина полностью бронирована... Так вот почему она так тяжело разворачивалась...»

Потом был удар. И вопль пулеметчика, и сминающиеся капоты внедорожников, и отдача от руля в руки, причем гораздо менее фатальная, чем ожидалось... И мост, и дорога за ним, похожая на широкую серую ленту, изрядно побитую молью. Но что такое колдобины и выбоины на асфальте по сравнению с пулеметной очередью в упор? Если уж «Хаммер» ее выдержал, то, думаю, справится и с дорогой, не ремонтировавшейся лет двести...

Вслед нам не стреляли. То ли некому было (что вероятнее всего – после такого удара не до стрельбы, небось, размазало воинов по мосту их же автомобилями), то ли поняли, что бесполезно – в полностью бронированный «Хаммер» имеет смысл стрелять из РПГ или из ПТРК. Или из пушки бронебойным снарядом. Все остальное – бессмысленная трата боеприпасов.

* * *

После того, как мост остался позади, я сбросил скорость. Хоть автомобиль Рудик свистнул и тяжелый, и устойчивый на ходу, но все-таки занятие не особо приятное ловить колесами колдобины, которых по пути встречалось немало. Да и проанализировать ситуацию было не вредно.

Но особо погрузиться в собственные мысли мне было не суждено.

– Иох-ууу! – неожиданно взвыл Рудик. – Мы их сделали!!!

Понятно. Спиря отпустило. Теперь на полчаса, а то и поболее будет ликование до сопливых пузырей, брызги слюнями на лобовое стекло и радостные вопли, от предвкушения которых у меня заранее начала побаливать голова.

– Зажигалку отдай, – сказал я.

– Чего?!!

От удивления Рудик аж слюнями подавился и даже закашлялся, при этом не сводя с меня удивленных гляделок.

«Того, – подумал я. – Разрыв шаблона, вот чего. Иначе ты до самого Кремля вопить будешь, как потерпевший, а у меня психика не железная».

– Зажигалку гони, – повторил я. – Ту, которую я тебе дал, чтобы бутылки с бензином поджечь и в танк их закинуть¹. Думаю, и сейчас без нее не обошлось.

Рудик хлопнул глазами пару раз, после чего со вздохом протянул мне зажигалку – предсмертный подарок Сталка.

– Ты не думай, я ее не жал, – виновато проговорил мутант. – Просто надпись на ней больно крутая, за душу берет.

– Да уж, прям до слез, – проворчал я, забирая подарок ворма, убитого мной на ВДНХ. – Хотя не понимаю, что там может брать за душу.

– Сильно сказано, – мечтательно проговорил спир. И процитировал, положив лапку на рукоять «Глока»: – «Если пойду я долиною смертной тени, то не убоюсь я зла. Потому что я и есть самое страшное зло в этой долине».

– Похоже, я воспитал маньяка-убийцу, – буркнул я. – Плюс пиромана в придачу. Как ты это сделал? Они что, бензин без охраны внутри здания держали?

¹ О приключениях Снайпера и Рудика до описываемых событий можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Шереметьево» литературного цикла «Кремль 2222».

– Почти без охраны, – скромно потупив взгляд, произнес мутант. – Бочки прямо там стояли, видимо, для пушек надежности, чтоб точно никто на них глаз не положил. На вышки свои надеялись, ракетиры проклятые, и на ограду. А под оградой-то хоммуты нехилые норы прорыли. Ну, я и пролез. Нам, спирам, главное, чтоб харя в отверстие пролезла, а остальное – детали.

Я с сомнением окинул взглядом щекастую ряшку мутанта, за несколько дней совместного путешествия заметно отожравшегося, но ничего не сказал. Дело водителя за дорогой следить, а что там пассажир метет, можно слушать вполуха. Пусть хвастается. Ему нужно восторг излить. А мне надо понять, почему мы проехали уже километров десять и никого не встретили по пути.

Москва словно вымерла. Одни руины да полуразрушенные здания, словно памятники на кладбище. Ни одного мутанта вокруг, ни одной самой паршивой крысособаки... Так не бывает. Неправильно это. А почему так – большой вопрос, на который у меня пока что ответа не было...

– Ну, пролез я под забором, значит, потом по пожарной лестнице на крышу, а дальше – в вентиляцию, – продолжал заливаться Рудик. – Оттуда по потолочным перекрытиям – и на спину охраннику, который вместо того, чтоб службу тащить, на посту винцо из фляги смаковал. Как ты учил, рукоятью ножа по темечку, потом лезвием по горлу, он даже и не хрюкнул. А дальше дело техники. Прикинь, они рядом с бочками боеприпасы хранили, типа, все ценное – в одном месте. Ну не идиоты? И машинами все помещение было забито, они в них, по ходу, жили. А «Хаммер» во дворе стоял, я его сразу приметил. Ну и вот. Я тупо одну бочку ножом проткнул, из трофейной фляги бормотуху вылил, бензином ее заправил, сверху тряпку воткнул – и обратно на перекрытия. Поджег снаряд, кинул – и в окно. Ну, дальше понятно.

– Угу, понятно, – мрачно кивнул я. – Только что мы ради того, чтоб по мосту проехать, завалили человек двадцать. Которые, между прочим, нам лично ничего плохого не сделали.

– Совесть мучает? – прищурился Рудик. – Не мучайся. У них там отдельный стеллаж у стены стоял. С отрезанными головами людей и мутантов, в стеклянных банках замаринованных. И поверху над ним надпись краской: «Музей речных маркитантов. Руками и ногами экспонаты не трогать». Типа, приколы такой. Думаю, если б мы их не перемочили, наши головы сейчас были бы свежими экспонатами в том музее.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнес я.

В целом, спир прав. В любом из миров работает только один закон: или ты, или тебя. Просто здесь, в мире постапокалипсиса, этот закон принимает наиболее простые, буквальные формы. Но при этом я все равно стараюсь не стрелять в тех, кто не собирается стрелять в меня. Такой вот придумал я сам себе дурацкий моральный кодекс, который мне порой очень мешает жить. И с этим уже ничего не поделаешь.

Но что сделано – то сделано. Сожалеть о прошлом еще большая глупость, чем создавать себе личные моральные кодексы, живя в обществе, где сильный жрет слабого... или ставит его в кабальные условия, когда тот вынужден вкалывать на сильного за синтетическую еду и взятую в кредит крышу над головой.

Такие вот мудрые философские мысли крутились в моей голове под восторженно-заливистый трёп Рудика, пока я вел машину, объезжая выбоины в асфальте. И чем дольше мы ехали, тем тревожнее становилось у меня на душе.

Москва была пуста. Совершенно пуста, напоминая пустотой свою украинскую Припять. Казалось, даже ветер умер и сейчас разлагается где-то в развалинах, подобно трупам каких-нибудь мутантов.

Но трупов вдоль дороги я тоже не заметил. И это было плохо. Потому что одно из самых неприятных явлений на свете – это то, которое ты не можешь объяснить, сколько б ни ломал голову.

Наконец и до Рудика дошло, что что-то не так.

– Как-то не особо людно у вас в Москве, – заметил он, прекратив наконец треп о своем варварском диверсионном акте.

– Угу, – буркнул я. – Как бы и в Кремле так же пусто не было.

И заткнулся.

Кто за язык тянул? В любой из аномальных Зон сглаз как раз считается явлением вполне объяснимым. Ляпнешь что-то сдуру – считай, сам себе судьбу подкорректировал. И коррекция та происходит через раз, а то и чаще. Поэтому, если поставил себе цель, не мели языком попусту, не провоцируй личную удачу, непостоянную, словно жгучий пух Зоны, гонимый ветрами сталкерской судьбы.

– Впрочем, мы это скоро узнаем, – добавил я. Потому, что до Кремля оставалось доехать всего ничего.

От моста до Садового кольца мы добрались минут за двадцать. Признаться, наслушавшись в свое время местных легенд об этом тайном оборонительном рубеже, готовился я то ли к ментальной атаке, то ли еще к какой-то пакости со стороны членов секты Властелинов Колец. Но нет, Садовое мы пересекли нормально, благополучно миновав тяжелые коробки неплохо сохранившихся зданий, словно нависших над дорогой.

Дальше стали попадаться следы битв. Но битв давних, произошедших явно не вчера.

Вон слева валяется развороченный «Спайдер», напоминающий раздавленного восьминогго паука. Конечности и бока боевого биоробота уже успели обрасти огненным мхом – впрочем, это ни о чем не говорит. Робот мог и неделю назад подохнуть – может, помог кто, а может, остатки боекомплекта двухсотлетней давности внутри корпуса сдетонировали. А огненный мох взял, да и оперативно облепил бронированные останки. Эту хищную субстанцию привлекает все, что может заинтересовать потенциальную добычу. Свежий металл? Отлично. Глядишь, притащится в эти места неопытный сталкер, полезет внутрь поврежденного корпуса поискать чего ценного – тут его огненный мох и оплетет незаметно выброшенными ложноножками. Оплетет, обездвижит, да и высосет все соки. Вон неподалеку скелет некрупного нео валяется с остатками грубой одежды на костях. Значит, молодой обезьян потащился за хабаром, надеясь оторвать себе хороший кусок металла на новую дубину – да так и остался лежать здесь навечно. Без дубины и без плоти на костях, которую начисто сожрал безобидный, мягкий и пушистый с виду огненный мох.

– И люди такие есть, – кивнул Рудик, когда я объяснил ему, что к чему. – Глянешь – прям солнышко ясное, улыбка до ушей, доброжелательность так и прет. А на деле – хищник. Сожрет в шесть секунд, и даже не поймешь, что тебя уже схмячили и всюю переваривают.

– В точку, – кивнул я, не переставая обозревать до боли знакомый пейзаж. Он в Москве везде одинаковый, за редким исключением. Руины. Уцелевшие дома, пронизанные крыш-травой, либо исторические строения со стенами толщиной в три кирпича, которым любой апокалипсис как слону дробина. Поцарапает, конечно, но не убьет и даже не ранит. Как стояли они, так и будут стоять, пока ветры истории не скроют руины Москвы под многометровыми слоями пыли и нанесенного мусора...

Между тем наш «Хаммер» потихоньку въехал на Манежную площадь. Колоритное место. Особенно сейчас.

По всему пространству площади были разбросаны останки сгоревших осадных машин, причем весьма громоздких. Нео такие не строят. Обезьяны что попроще мастерят, а тут, судя по черным скелетам довольно сложных конструкций, явно профи постарались. Правда, проку от их изделий никакого не случилось. Их, похоже, даже развернуть как следует не успели, как кремлевские сделали вылазку и пожгли всё, что могло гореть. Возможно, каким-нибудь секретным подземным ходом прошли и ударили с тыла. Хотя не исключено, что в лоб атаковали. И тогда наверняка жертв среди них должно было быть прилично – неведомый враг не мог оставить без охраны целый выводок осадных орудий.

И над всем этим горелым безобразием возвышался конус Арсенальной башни, похожий на наконечник копья, устремленный в небо. В пятнах копоти и заметных шрамах на кирпичных боках, которые неизбежно прибавлял любой штурм мутантов на древнюю крепость – но, тем не менее, не утративший своего многовекового величия.

– Кремль? – восхищенно выдохнул Рудик.

– Кремль, – отозвался я. – Кто-то его снова штурмовать пытался, да, видать, в очередной раз не вышло.

– Да, старики говорили, что на него кто-то постоянно лезть пытался, во все века, – кивнул Рудик, не сводя глаз с башни. – Только ни у кого не получалось Кремль под себя подмять. А я думал, это легенды.

– Не-а, – качнул я головой. – Правы ваши старики. Ни у кого не получалось – и, думаю, никогда не получится. Но, тем не менее, тишина эта мне не нравится. Так что двигай к люку и берись за гранатомет. Увидишь мутантов каких, или био, не к ночи будь помянуты, – стреляй. Роботов, конечно, осколочными гранатами не возьмешь, но отпугнуть вполне реально. Справишься?

– А то! – самодовольно фыркнул спир и, подставив под лапы найденную в салоне запасную коробку с ВОГами для АГС, полез в люк. М-да... Ладно, все равно в «Хаммере» больше нет ничего подходящего, а без постаментов из Рудика гранатометчика не получится – ростом не вышел. Ну, что ж, теперь главное ехать аккуратно, без рывков, чтобы спир не грохнулся на пол салона вместе с взрывоопасным боеприпасом.

На черепашьей скорости я двинул машину вдоль кремлевской стены, по направлению к Спасской башне. Если в главные ворота танк проехал, то «Хаммер» пройдет и подавно, а насчет других ворот я не уверен – могут быть запечатаны во избежание неожиданного вторжения мутантов.

Краем глаза я видел, как Рудик нервно перебирает лапами, готовясь палить во все, что движется. Но движения по-прежнему не наблюдалось. Никакого. Вообще. Что делалось на стенах крепости, мне из автомобиля видно не было. Есть ли вообще люди в Кремле? Или, может, очередной штурм мутантов завершился успехом и теперь крепость пуста, словно череп воина, выведенный изнутри бабочками-падальщиками?

...Внезапно я прям затылком почувствовал, как занервничал Рудик, – так бывалый сержант каким-то шестым чувством ощущает мандраж новобранца, впервые сжимающего в своих руках боевую гранату.

– Без команды не стрелять! – произнес я. И, не услышав ответа, бросил через плечо: – Новый приказ ясен?

– Т-так т-точно, – простучал зубами мутант, за время совместного путешествия прошедший под моим чутким руководством курс молодого бойца. – Н-но т-там, впереди...

Я уже привык к тому, что у спира чуйка на неприятности покруче, чем у любого сталкера. Создали их такими неведомые ученые прошлого, совершенными разведчиками, больше всего на свете берегущими свою драгоценную шкурку. Разведчик и не должен быть супергероем, раскидывающим врагов направо-налево. Его задача все разузнать – и вернуться живым. Поэтому с инстинктом самосохранения у Рудика все было более чем замечательно. Боялся он качественно, за нас двоих сразу – правда, это не мешало ему быть отличным воином. Ведь хороший боец – это не тот, кто не боится, а тот, кто боится, но, тем не менее, выполняет боевую задачу.

Вот и сейчас Рудик не покинул свой пост и был вполне готов начать стрельбу... по «Spider ВЗ», тактическому роботу огневой поддержки, одному из самых опасных био, каких мне довелось повстречать на выжженной земле Москвы...

Стрелять по «Спаyderу», конечно, можно, и противопехотными гранатами в том числе. С вероятностью примерно одна сотая процента, что какой-нибудь осколок разнесет изношен-

ное бронестекло, защищающее смотровую видеокамеру, а следующий фрагмент гранаты разобьет линзу и проникнет в мозг робота. Но объективно атаковать этого монстра ВОГа́ми – все равно что кидаться в танк эргэдэшками. То есть толку никакого. А вот ответ, который прилетит от био, с гораздо большей долей вероятности превратит наш «Хаммер» в консервную банку, начиненную фаршем из меня и Рудика.

Поэтому, понимая, что спир вот-вот начнет палить в робота из АГС, я что есть мочи заорал:

– Не стрелять!!!

После чего круто дал по газам, надеясь проскочить мимо «Спайдера»...

И проскочил. Запросто. Лишь в боковое стекло заметил я, как робот неторопливо повернул головную башню, при этом не сдвинувшись с места. Так сказать, проводил взглядом несущийся мимо автомобиль, никак при этом на него не отреагировав. То есть стрелять не стал.

Странно... Если б Кремль захватили био, думаю, любые непонятные маневры вдоль красных стен пресекались бы ими на корню. А тут – никакой реакции. Стало быть...

Я притормозил, потом неторопливо развернул «Хаммер» – и поехал обратно к Спасской башне.

– Чо делать? Делать-то чо? – нервничал сзади Рудик. – Стрелять, не? А почему ты вернулся? А вдруг он нас сейчас по площади размажет?

– Хотел бы «вдруг» – уже б размазал, – резонно заметил я. – Значит, не хочет. И не вздумай стрелять, тогда нам точно канты. А так возможны варианты.

«Спа́йдер» своей огромной тушей напрочь перегораживал Спасские ворота. Поэтому я неторопливо подъехал – и затормозил, поставив «Хаммер» прямо напротив робота, метрах в трех от него.

– Бли-ин, – продолжал сзади мандражировать спир. – У него такие клешни... Захочет – за минуту вскрыет наш автомобиль. Всякое случалось, но никогда не ощущал себя «Завтраком туриста».

– Да, достойные были консервы, – кивнул я.

– Почему были? – удивился Рудик, на мгновение забыв о нависшем над нами «Спайдере». – И сейчас маркитанты находят, восстанавливают в Полях. Я даже пробовал один раз. Вку-усно...

– Ну да, – хмыкнул я, не сводя глаз с робота и на всякий случай не глуша двигатель. Если что, задом сдам резко, хоть какой-то шанс. – Я смотрю, тебе любая опасность пофигу, когда разговор о жратве заходит.

Рудик икнул от неожиданности – и замолчал. И правда, как-то не к месту беседы о консервах, когда тебя самого вот-вот могут употребить вовнутрь вместо завтрака.

Но – не употребили.

Над головной башней биоробота возвышались зубцы надвратной стрельницы – прямоугольного кирпичного сооружения, с которого в случае чего удобно обстреливать вражью силу, не подпуская ее к воротам. И вот меж теми зубцами показалась фигура воина в музейном тегиле, похожем на длиннополый простеганный тулуп с нашитыми на него металлическими бляшками и пластинами. Годов караульному было семнадцать-восемнадцать от силы, но на прыщавом лице читался снисходительный гонор, свойственный не очень умным юношам, которым доверили что-либо значимое.

Воин задумчиво посмотрел на наш автомобиль, сдвинул красную стрелецкую шапку набок и зычно спросил:

– Чего надо?

Колоритно, конечно, смотрелся этот средневековый воин над стальной громадой биоробота, но мне сейчас было не до эстетической оценки картины, открывшейся передо мной. Там, за красными стенами, находилась девушка, ради которой я не раз проходил границы между

мирами. И вот сейчас приперся из Петербурга в Москву с единственной целью – заглянуть в глаза цвета единственного в мире артефакта и сказать три слова: «Я вспомнил всё...»

Короче, в горле у меня не вовремя перехватило, и я не нашел ничего лучшего, как высушить голову из машины и хрипло произнести:

– Проехать надо.

– Да ну? – без энтузиазма удивился стрелец. – Я и думаю, чего это ты тут по Красной площади туда-сюда носишься на своей колыхаге. А это, оказывается, тебе проехать надо. Ну, тогда поясни, мил человек, за каким лешим оно тебе надо?

– А можно я его того... из агэса? – скрипнув зубами, тихо спросил Рудик.

– Усохни, а? – негромко попросил я.

– Ну или хотя бы в морду дам, когда нас внутрь пустят, – мечтательно произнес мутант.

– Пусть сначала пустят, – отозвался я. – Хотя и тогда не рекомендуется – не видишь, человек при исполнении. Службу тащит изо всех сил, того и гляди, шапка свалится от усердия.

– Не слышу ответа, – раздалось с надвратной стрельницы. – И с кем это ты там переговариваешься? А ну-ка, выходите все из машины!

В руках у средневекового стрельца появился вполне себе современный АК-74, который он недвусмысленно направил в мою сторону. Понятно. Века прошли, а повадки нижнего звена исполнительной власти остались неизменными. Впрочем, он по-своему прав – мало ли кого нелегкая принесла под красные стены?

– Выходим, – бросил я Рудiku через плечо. – Оружие в салоне оставь.

– Да как же я без автомата? – заскулил было спир.

– Я сказал оружие оставить – и на выход! – жестко скомандовал я. И, открыв дверцу «Хаммера», вышел наружу. Следом вылез хмурый Рудик – усы настороженно торчат, глаза по пятаку и блестят не по-хорошему.

Увидев эдакое хвостатое чудо в камуфляже со сверкающими гляделками, нервный стрелец вскинул автомат и заорал:

– Оба упали лицом вниз! Руки держать так, чтоб я их видел, а то стрелять буду! Мордами в мостовую, я сказал!

– А вот это, служивый, хрен тебе по всему портрету, – громко и спокойно произнес я, тем не менее держа руки на виду. – Начкара позови-ка, я с ним потолкую.

– Я те щас потолкую! – взвился стрелец. – Я прям щас же открываю огонь на поражение... Хлоп!

Стрельца качнуло влево, красная шапка слетела с уха.

– Первое, – раздался спокойный голос за спиной юнца. – Предупредил раз – не послушались – стреляй. Второе. Перед тем, как брать кого-то на прицел, предохранитель вниз и дослать патрон в патронник. Вопросы?

– Н-никак нет, – глухо промямлил невидимый мне более юнец, наверное, ищущий потертую шапку.

– Вот и хорошо, – проговорил смутно знакомый голос. – Так, и кто там у нас?

Меж зубцов надвратной стрельницы появилась фигура крепкого парня годов двадцати пяти – двадцати восьми от роду. Был он в кольчуге с квадратными стальными пластинами на груди. На голове – шлем с бармицей, спадающей на плечи. А между шлемом и кольчугой – лицо со знакомыми усиками, бородкой и веселыми глазами. Впрочем, сейчас те глаза были, скорее, уставшими, с едва теплившейся в них искрой бывшего задора.

– Снайпер?

Брови воина от удивления полезли под шлем.

– Типа того, – отозвался я. – Здорово, Ион. Круто ты приделся с нашей последней встречи.

– Привет, дружище, – не сдержал улыбки стаббер. – Так это по штату положено. Я ж теперь десятник кремлевского стрелецкого караула. Правда, как показывает практика, десятник неважный.

И добавил уже не мне:

– Так, подобрал автомат – и в казарму. Два наряда вне очереди за первое и за второе. Таргату доложишь о нарядах. И скажешь, чтоб сменщика тебе прислал. Да, и мне замену заодно – у меня уважительная причина. Все ясно?

– Так точно! – рывкнул провинившийся юнец. Быстро оклемался после затрещины, глядишь, со временем справный боец получится, ибо умение без последствий для нервной системы сносить тяготы и лишения воинской службы есть залог успеха для защитника Отечества.

– Выполнять.

– Есть!

До меня донеслась удаляющаяся дробь каблуков.

– Ну, не такой уж ты и плохой десятник, – хмыкнул я. – Работа наставника сродни труду волшебника, создающего боевые мечи из зеленого дерьма. И процесс этот длительный. Если пытаться по-быстрому добиться успеха, будет только словесный понос, оканчивающийся бесполезной вонью.

– Ну да, помню, – хмыкнул Ион. – Ты всегда за жизнь умел забористо завернуть. А кто это с тобой?

– Спир, – отозвался я. И, увидев непонимание в глазах Иона, добавил: – Напарник.

– Ясно, – кивнул стаббер. – Что ж тут неясного.

И, спохватившись, добавил:

– Так это, чего это я вас со стрельницы-то допрашиваю? Только вот «Спайдера» уберу... блин, куда молодняк пульт задевал? Ага, вот он. Короче, заходите, я сейчас скажу, чтобы ворота открыли.

...Мало кому удавалось рассмотреть вблизи неповрежденного, функционирующего «Spider ВЗ». Эта модель био любит уничтожать свои жертвы издалека. Ну а тех, кто мешается под стальными ногами, просто разрывает клешнями и тут же отправляет себе в биореактор.

Но этот «Спайдер» был не такой, как остальные. Послушный. Прирученный. Что меня весьма удивило. Надо будет поподробнее расспросить Иона, как кремлевским удалось заставить работать на себя это стальное чудовище.

Внутри био загудели невидимые двигатели, после чего страшная боевая машина галантно, на полусогнутых шагнула влево, освобождая путь к открывшимся воротам. В которые мы и въехали на своем «Хаммере». Спир нервно ерзал на соседнем сиденье, порываясь обернуться. Понимаю. Не каждый день увидишь ручного био, уступающего тебе дорогу...

Внутри Кремля с прошлого раза почти ничего не поменялось. Разве что повреждений на зданиях стало побольше. Не иначе, пока я отсутствовал, крепость пережила еще пару-тройку штурмов, сопровождавшихся обстрелом осадными машинами. В свете чего местные подогнали прямо к воротам три танка – обшарпанный Т-90, футуристический Т-2222, и... разрази меня Зона, что я вижу? Старый знакомый, экспериментальный Т-010, на которых мне довелось кататься по аномальным территориям обоих полушарий планеты Земля.

– Мы тут кое-как Т-90 восстановили, – пояснил Ион, подойдя к остановившемуся «Хаммеру», из которого мы с Рудиком успели вылезти. – Тут на нас недавно целая армия био потащилась, и вдруг все как один самоуничтожились. Ну, наши сталкеры и разжились некоторыми необходимыми деталями. Правда, снарядов к танкам нету. Расстреляли все, что были при последнем штурме... Но раздавить гусеницами отряд нео, а на остальных страху нагнать – это мы запросто.

– Понятно, – кивнул я. – Но хватит о танках. Сам-то как?

– Нормально, – улыбнулся стаббер. – Освоился тут. А как женился, в подземном городе даже небольшую отдельную комнату выделили...

– Женился? – удивился я.

– Ну да, – кивнул Ион. – Невеста моя, Лия, пришла сюда из Зоны Трех заводов. Вместе с названным братом через всю Москву пробились и до Кремля добрались. А вчера вот поженились мы. Брат ее, Бор, вместе со мной служит в Стрелецком приказе, но собирается проситься в дружинники – у него отец был носителем D-гена²...

Признаться, не особо интересно было мне слушать о совершенно незнакомых людях. Понимаю, что эгоистично это, но на языке вертелось другое.

– А наши где? – перебил я Иона. – Фыф с Настей не вернулись? Колян как там, Шерстяной... Данила... и...

Дальше я не смог говорить. Дыхание перехватило. Стою столбом, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Спазм горло перекрыл.

– С тобой все нормально? – спросил стаббер обеспокоенно.

– Выживу, – хрипло отозвался я. Спазм немного отпустил, только сердце работало часто-часто, словно у меня в груди методично стрелял маленький «Корд».

– Побледнел ты, прям лица нет... Ну да ладно. О Фыфе с Настей не слышал. Колян тут, в мастерских работает, со своей Скуби-ду не расстанется. Доработал своего транспортного робота, теперь шутит, что тоже скоро женится. Шерстяной при кухне, дорос до шеф-повара в нашей столовой. Талант у него к готовке открылся, он всегда был к жратве неравнодушен. Данила же...

Ион запнулся. Чем и воспользовался Рудик.

– А мы долго еще будем около машины стоять? – поинтересовался он с легким раздражением в голосе. – Между прочим, не май месяц на дворе, холодина. Да и пообедать уже не вредно бы.

– Твоя правда, – спохватился стаббер. – Кстати, мы так и не познакомились. Я – Ион.

– Рудольф, – с легким поклоном представился Рудик.

– О как, – поднял брови Ион. – Ладно, пошли, что ли. Оружие можете не сдавать, своим в Кремле это не обязательно.

– И куда это мы? – поинтересовался подозрительный спир.

– В трактир, к Барме, – отозвался стаббер. – У него сегодня пельмени с хоммятиной, борщ, турьи котлеты – закачаешься...

* * *

Меню в трактире Бармы, и правда, было царским. Я даже на некоторое время отвлекся от мрачных мыслей, которые смело можно было назвать предчувствием. Чего именно? Не знаю. Неприятностей, наверно. У меня всегда такое настроение, когда моя сталкерская чуйка подает сигналы близкого бедствия. И приглушить их на время можно только обильным и вкусным обедом – что и было предоставлено мне в полном объеме. Обещанные блюда оказались отменными, как и морс из настоящей клюквы, которым мы с Рудиком запивали сытную пищу.

– Клюква у нас тут своя, на плантациях в подземном городе растет, – с нескрываемой гордостью хвастался Ион. – Как и пшеница, кстати, из которой вот этот хлеб испекли. Хотя агрономы говорят, что уже совсем скоро можно будет и на поверхности сеять. Не везде, конечно, но тем не менее. Земля возрождается помаленьку. Да и мутанты уходят из Москвы...

² О приключениях Лии и Бора можно прочитать в романе Дмитрия Силлова и Семена Степанова «Ховрино» литературного цикла «Кремль 2222».

«Мутанты уходят», – щелкнуло у меня в голове, словно стаббер своими явно случайно оброненными словами снял с предохранителя оружие, встроенное в мою башку.

– Куда уходят? – перебил я его.

– Да кто ж его знает куда? – пожал плечами Ион. – Не далее, как сегодня утром вся шваль, что под красными стенами постоянно ошивалась, взяла да свалила. Все как один. И нео, и био, и даже приبلудившийся руконог, который сдуру из канализационного люка вылез – повернулись спинами да и потащились подальше от стен, на восток. Может, осознали наконец, что Кремль им не взять.

– Может, и осознали, – кивнул Рудик, отправляя в пасть последний пельмень из большой глиняной миски. – Только я в самосознание мутот не верю. Оно у них включается только когда жрать хотят или на пулю нарвутся. В остальных случаях оно спит беспробудно.

– Мутот, говоришь, – задумчиво протянул Ион. – А ты тогда кто? Только не обижайся. Я просто для себя хотел понять.

– Да какие обиды? – дернул плечом Рудик. – Человек я. Только с телом не повезло.

И, высунув длинный розовый язык, ловко вылизал им миску дочиста. После чего посмотрел на меня умильно, что означало – все отлично, дорогой друг, только добавки бы?

Ответить на этот крик души, застывший в круглых глазах спира, я не успел. Дверь трактира хлопнула, и в помещение ввалился Шерстяной. Следом за ним семенил Колян.

– Кого я вижу?! – взревел Шерстяной, расставив лапы и направляясь ко мне с явным намерением пообниматься. – А я сразу слухам-то и не поверил! Мол, Снар у Бармы сидит, хахает. Ага, говорю, божествоwormов материализовалось в трактире, чтоб нажраться до оловянных глаз. Ан нет, иной раз слухи не врут. Дайка я тебя обниму, дружище!!!

Пахло от Шерстяного как от нормального зомби – сладковато-кислой мертвечиной и самогонным перегаром. Но, в то же время, с виду это был вполне себе старый друг-мутант с экстремально волосатой рожей и манерами портового грузчика. Однако ни то, ни другое не было поводом для того, чтобы я бросился обниматься в ответ. Для меня вообще все эти тактильные выражения симпатии распространяются только на противоположный пол. Так что я отстранился от лап Шерстяного, проворчав:

– Полегче, дружище. Я тоже рад тебя видеть, но обниматься предпочитаю с девушками.

– Ну вот. – Шерстяной хлопнул лапами вхолостую. – Никто не понимает широты моей души. Может, хоть выпьем тогда?

– Это запросто, – облегченно кивнул я.

– Хэллоу, босс! – взревел Колян, наконец пролезший между тесно стоявшими лавками. – Сколько летов, сколько зимов!

– Лет и зим, чурка нерусская, – хмыкнул Шерстяной, усаживаясь за стол. – Черт знает сколько уже с нами таскается, а все никак русский не выучит.

– А это кто есть с тобой? – насторожился Колян, наставив на Рудика свои видеокамеры, напоминающие рачьи глаза.

– Это есть спир сапиенс, – хмуро отозвался Рудик, отставляя в сторону начисто вылизанную миску. Похоже, не ожидал увидеть разом такую кучу моих друзей. – Звать Рудольфом. Можно без отчества.

– Колян, – небрежно махнул манипулятором разумный робот-серв, в которого двести лет назад по ошибке всунули слишком уж высокоразвитый человеческий мозг. – Главный механик в оружейной мастерская. А это Шерстяной, шеф-повар в стрелецкой столовая.

– А вы, я смотрю, здесь все карьеру сделали, – невольно усмехнулся я. – Что ж, поздравляю.

– Ты бы остался в Кремле, тоже сделал, – улыбнулся Ион. – Тут каждый специалист на счету, а уж такой как ты – вообще на вес золота. Кстати, расскажи, что с тобой было с тех пор, как ты ушел... ну... в иной мир?

Я вздохнул.

– Непростая просьба. На четыре полновесных романа потянет. Два в одной вселенной, два – в другой.

Друзья переглянулись.

– Ладно, как-нибудь в другой раз расскажешь, – кивнул Ион. – Или мы почитаем, если кто-то те романы напечатает и они к нам попадут.

– Уже напечатали, – сказал я.

Однажды на мой старый КПК-коммуникатор пришло сообщение от одного издательства, которое заинтересовал мой первый роман «Закон снайпера» – в свое время куда только я не рассылал ту рукопись. И с тех пор я периодически отправляю тексты на тот адрес. Коммуникаторы не раз терялись, разбивались, тонули – но я всякий раз находил новый, работающий, и снова связывался с тем издательством через знакомый адрес. Не знаю, почему некоторые из мобильных устройств до сих пор поддерживают связь, причем даже через разные миры. Но это – факт. И искать объяснение ему бессмысленно. Думаю, дело в том, что я хожу по Зонам разных миров. И этим Зонам зачем-то нужно, чтобы люди знали, что в них происходит. И потому, когда я беру в руки новый коммуникатор, найденный в развалинах либо купленный у маркитантов, я точно знаю – скорее всего, он будет работать. Потому что людям нужна Зона – так же, как Зоне нужны люди...

– Ну, тогда дадим задание маркитантам найти и доставить твои книги в Кремль, – улыбнулся Ион. – А мы тут вот... живем-выживаем. Сегодня только вздохнули немного, когда мутанты на восток ушли. Может, гон у них начался или еще что. До этого все вылазками да штурмами задалбывали, а нынче утром – раз, и все свалили как по команде. Везде чисто, и в ГУМе, и дальше. Хотя, если честно, сильно далеко разведчики пока не ходили. Провокаций опасаемся. И так уже...

И запнулся, словно оговорился случайно. Судя по тому, как зыркнули на него Шерстяной с Коляном, так и есть – оговорился о том, что открывать не собирался.

– И так уже – что? – спросил я.

Над столом повисла неловкая пауза.

Положение спасли дочки трактирщика Бармы – принесли съестное. Даже заказа не потребовалось, сами знали, что нужно завсегда. Шерстяному приволокли бутылку самогону, большую кружку и чуть поджаренный огромный стейк с кровью. Коляну – то же самое, только без кружки и бутылки.

– У него свой спирт всегда с собой, – ощерился Шерстяной, доставая из-за пояса огромный мясницкий нож и принимаясь за еду. – Эх, люблю я это дело, да со свежей кровушкой.

– О, йес! – с воодушевлением воскликнул Колян, взгромоздясь на широкую лавку, заменяющую стул. – Самый лучший стейк во всей Москва – если не считать те, что делать старый френд Шерстянов.

Я понимал – все это веселье наигранно. Друзья старательно уводили разговор в сторону, прятали глаза... но все понимали, что эта мера временная. Все равно придется рассказать то, что они так хотели от меня скрыть. Просто больно уж трудно было им на это решиться.

– И так уже – что? – более жестко проговорил я.

– Ладно, хорош ходить вокруг да около. – Шерстяной бросил нож на стол, да так, что широкий клинок отколол от столешницы длинную щепу. – Все равно он все узнает.

– Что всё? – продолжал давить я.

– Лучше, конечно, тебе было не возвращаться, – нахмурился Ион, также отложив в сторону вилку. – Если сам отрубил себе кусок сердца, обратно его не пришьешь. Но коль уж пришел – изволь, вот как все было.

Мы привезли Данилу в Кремль, израненного, без сознания. Плохо все было с ним. Множественные переломы костей, разрывы мышц, внутренние кровоизлияния. Мария, жена твоя,

от него не отходила. Ухаживала. Говорила, что это ее долг. Когда Марию подменяли, спала часа два-три, потом уходила в рейд за стены. Называла себя сталкером, говорила, что таскать хабар из Зоны – это ее профессия, которая позволяет ей отдохнуть от мыслей. Потом возвращалась и снова ухаживала за Данилой.

А Данила менялся. Так отец Филарет говорил. Мол, хлебнул дружинник крови получеловека-по лумутанта³, и та кровь вступила в реакцию с D-геном. Кости Данилы срослись, причем очень быстро, раны затянулись, но в сознание он не приходил. До сегодняшнего утра.

Ион благодарно кивнул дочери Бармы, поднесшей ему ковш квасу. Вылил в себя мало не пол-литра пенистого напитка, крякнул и продолжил:

– В общем, он глаза открыл. Повел теми глазами, чисто дикий зверь какой, никого не узнал, вскочил с лежанки – и побежал. Как был – босой, в одних штанах да в рубахе – рванул к восточной стене. Никто его и остановить не успел. Взбежал на забрало по всходам, да и сиганул вниз. Стрельцы думали, что убили, – ан нет. Кувырнулся, вскочил на ноги и побежал к развалинам. Больше его не видели.

А следом за ним Мария ушла. Собралась, еды взяла на два дня, оружие и двинула следом за Данилой. Никто ей не препятствовал. Но и с ней никто не пошел. Правда, она и не просила никого с ней идти. Вот такая история... Дарья, принеси-ка еще квасу, а то что-то в горле пересохло!

...Ион пил квас, что-то говорил еще – но это было уже словно в каком-то тумане. Я видел, что друзья, косясь на меня, тем не менее навалились на еду – но меня это уже не касалось. Почти. Нет, я тоже ел со всеми, что-то даже отвечал на вопросы – но, думаю, ответы эти были односложными и часто невпопад, потому от меня быстро отстали. И правильно. Чего с больным разговаривать? Ибо любовь – это очень часто болезнь. Такая, как у меня, – так уж точно. Твоя жена ухаживала за другим, ушла за ним, когда он превратился в нечеловека, – а я, как последний идиот, все еще болею этой проклятой любовью. Кто-то говорит, время лечит от этого недуга. Кто-то считает, что клин выбивают клином. Другие советуют сменить обстановку... Было у меня и времени навалом, и другие женщины случались, и обстановку менял так, что другим и не снилось, – в другие миры убежал от себя самого...

Но – ничего не помогло. Со временем и вправду вроде притупилось немного то чувство. Так, ныло, словно старая рана, но уже терпимо. До тех пор, пока проклятый Оператор не разрушил ментальный блок в моей голове и не пробудил воспоминания... Лучше б не разрушал. Лучше б все оставалось как было. Глядишь, не сидел бы я сейчас, тупо глядя на противоположную стену и осознавая, что хоть и глупо это, но я все равно должен еще раз взглянуть в глаза цвета единственного в мире артефакта. Возможно, в последний раз. Просто чтобы сказать: «Я ничего не забыл, как ты просила когда-то... Я все вспомнил, и теперь никогда не забуду того, что с нами было».

М-да... Со стороны мы, сталкеры, наверно кажемся другим эдакими невозмутимыми машинами для убийства, у которых просто не может быть эмоций, переживаний, которые не умеют любить как обычные люди...

Бред это. Мы такие же, как и все. Живые, чувствующие боль – и физическую, и душевную. Единственное отличие от большинства других людей – это то, что мы умеем скрывать нашу боль, не показываем ее другим, не демонстрируем напоказ. Просто не считаем нужным. Потому что наша боль – это часть нас. Наша неотъемлемая часть, до которой никому нет дела... Не лезьте в душу к сталкерам и военным, не надо. Слишком много там концентрированной боли, которую мы выплескиваем лишь в боях со всякими тварями, с криком выбрасываем из себя, как выплевывают во врагов горячий свинец наши автоматы. Не пытайтесь взломать эти

³ События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Сталкер» литературного цикла «Кремль 2222».

души, запертые за прочными дверями нашего спокойствия с невидимыми, но красноречивыми надписями: «Не лезь. Опасно для жизни»...

И мои друзья это чувствовали. Не лезли. Пили, ели, разговаривали, вели себя так, словно меня нет рядом. Потому что они были из того же теста, что и я. Знали – рано или поздно меня отпустит. Когда военного клинит, самое лучшее, что можно сделать, – это не трогать его и просто подождать.

Наконец я стал не только слышать голоса друзей, но и осознавать то, что они говорят.

– Не, железный, ты человеком быть точно не можешь, – убеждал кого-то Рудик заплетаясь языком. – Ты просто мозг в ходячей консервной банке. Ошибка конструкторов.

– Я – банка? – возмущенно заорал Колян. – Это ты есть наглый примат, который решать, что он хомо сапиенс. Но человека с хвостом и ушами, похожими на маленький плащ-палатка, не бывает. Ты сначала в зеркало на себя смотреть надо, потом говорить!

– Ах ты, чурка заокеанская! – взвился Рудик. – Это я-то примат? Да я...

Ага, понятно. Шерстяной подпоил спира самогоном, и тот спьяну наехал на серва – или наоборот, серв решил докопаться до Рудика. Он вредный, он может. Еще немного, и серв со спиром начнут бить друг другу морды – на Руси настоящая, крепкая дружба обычно начинается именно со взаимного мордобития.

Но мне уже было не особенно интересно, кто прав или не прав в разгоревшейся сваре. У меня снова была цель, по сравнению с которой все остальное потеряло какую-либо значимость.

– Пойду я, пожалуй, – произнес я.

И будто рубильник выключил. Народ, только что активно чавкающий и попутно выясняющий отношения, мгновенно подвис, словно у них питание отрубили. Все смотрели на меня – и понятно было, что все их разудалое застолье, громкие разговоры и шумные ссоры были наигранными, только лишь чтобы обстановку разрядить. Ослабить напряжение, источником которого был я...

Было понятно – мои друзья переживали за меня, и большое спасибо им за это. Но помочь они ничем не могли, так как в этом случае я должен был все сделать сам. Это только моя проблема, и совершенно незачем впутывать в нее моих старых товарищей. Так как сейчас между нами имелось существенное отличие. У Иона была молодая жена, у Коляна – его мастерская и преданная Скуби-ду, у Шерстяного – его кухня. Даже Рудик, похоже, нашел со всеми общий язык, и отлично ему было здесь, тепло, сытно и уютно.

Иными словами, мои друзья нашли свой дом здесь, в Кремле.

А я – нет.

И не было у меня ничего, кроме цели, совершенно очевидной и конкретной, как моя СВД, что стояла рядом, прислоненная к стене.

– Я – с-с тобой, – безапелляционно заявил Рудик. После чего икнул – и рухнул на стол, словно сраженный пулей. Понятно. Не вынес организм спира атаки русского самогона. И не таких валил он напрочь. Что ж, может, оно и к лучшему. По трезвости Рудик может за мной увязаться, что в мои планы никак не входило. Я обещанное выполнил, довел его до Кремля, а дальше – пусть сам. Ибо со мной опасно, да и ни к чему. Пусть за красными стенами обжигается, глядишь, целее будет.

– Куда это ты на ночь глядя? – спросил Ион, нахмурившись. – Конечно, мутов вокруг Кремля на два полета стрелы точно нет, но что там дальше – одному Перуну известно.

– Вот и хорошо, что нет, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – Спасибо вам, друзья, за хлеб-соль, но мне реально пора.

И, заметив, как Шерстяной со стаббером открыли рты, собираясь возразить, добавил:

– Понимаю, что вы сейчас хотите сказать, но попутчики мне не нужны. Это только мое дело и мое решение. А ваша задача – Кремль охранять. Так что спасибо еще раз за гостеприимство, может, еще свидимся.

Понимаю – я их обидел. Крепко. Прервал на полуслове, не дал ничего сказать. Но лучше пусть я уйду так, чем потом буду мучиться, что кто-то из них погиб, решая мои проблемы. Потому что уж очень не нравились мне опустевшие развалины возле Кремля. Чуйка моя аж звенела – не так что-то. Очень не так. А что именно – да кто ж его знает? Так что уж лучше я один туда пойду. Когда ты только за себя в ответе, всегда спокойнее. Такой вот у нас, сталкер-ров-одиночек, принцип. Или блажь – это уж пусть каждый называет, как ему нравится.

На столе я оставил пять пулеметных патронов – более чем щедрая плата за обед. Ион повел было бровью, но ничего не сказал. Обиделся. Понимаю его. Но когда так уходишь, лучше отдать все долги – даже если друзья считают, что ты ничего не должен.

Заморочки, скажете? Возможно. Все люди сталкерско-военной закалки со своими тараканами-мутантами в голове, крупными такими, закаленными в битвах с самым серьезным противником – самим собой. Потому нашего брата или принимают такими, какие мы есть, – или не принимают, считая отморозками не от мира сего. А мы и не претендуем, и свое общество никому не навязываем, идя по жизни словно в рейд – от задания к заданию, которые сами себе и ставим. Такие уж мы, и нас не переделать...

От стола я сразу направился к Барме – хозяину трактира. Во всех Зонах трактирщики помимо основного бизнеса занимались побочным – скупкой и перепродажей хабара. И, разумеется, торговлей всем, что необходимо сталкерам.

Барма не был исключением из общего правила – это я выяснил еще во время своего первого посещения Кремля, когда познакомился с этим кряжистым мужиком, чем-то неуловимо похожим на своего коллегу из Чернобыльской Зоны.

– Здорово, Барма, – приветствовал я хозяина заведения.

– Здорово, Снар, – кивнул тот из-за стойки. – Как оно?

– В процессе, – сказал я, кладя рюкзак на стул. – Мне бы консервов дня на три, да патронов.

– Каких тебе?

Я вздохнул. Вряд ли в Кремле окажется то, что мне надо. А мне надо нереальный дефицит.

– СП-5. Или СП-6.

– Красиво жить не запретишь, – усмехнулся Барма. – Платить чем собираешься?

Как ни больно было мне расставаться с любимым оружием, но я осознавал: в развалинах одному и без прикрытия с громоздкой СВД бегать затруднительно – тем более при наличии бесшумного ВАЛа, до поры разобранный и упакованный в рюкзак. Еще был у меня «Ярыгин» и два моих неизменных боевых ножа в качестве оружия последнего шанса. В целом, с учетом провианта и боезапаса, груз неслабый. Поэтому лишние пять кило, которые весит СВД с патронами к ней, мне были точно ни к чему.

Я протянул бармену чехол с винтовкой, после чего с болью в сердце наблюдал минут пять, как трактирщик осматривает-обнюхивает оружие, только что на зуб его не пробует.

Удовлетворившись осмотром, Барма выдал:

– За нее я дам тебе сотню СП-6, плюс жратвы на три дня от пуза.

Я понимал, что дефицитные патроны стоят недешево, но не настолько же. В общем, после четверти часа торга винтовка стала собственностью Бармы, а мой рюкзак потяжелел на полторы сотни СП-6. Нормально, на пару-тройку стычек хватит, если веером от пуза не сыпать смертоносный дефицит. Плюс, само собой, консервы со знакомой печатью «Восстановлено» и смазанной печатью какого-то клана маркитантов. А также, понятное дело, чистая вода, которая в условиях постапокалипсиса порой бывает дороже золота. Плюс я еще сверху две армейские аптечки выторговал, тоже восстановленных.

Упаковав купленное в рюкзак, я направился к выходу, краем глаза отметив, что мои друзья даже не глянули в мою сторону. Обиделись. Ну и хорошо. Мне же спокойнее. А Рудик так и

не проснулся. Насчет поспать он большой мастер, а уж с бодуна его, небось, вообще из пушки не разбудишь. Тоже замечательно. Проснется – и пусть адаптируется к кремлевской жизни, тут хороший разведчик всегда пригодится.

Я же вышел за дверь и направился обратно к Спасским воротам. Надеюсь, вечерний стрелецкий дозор выпустит из Кремля сумасшедшего, решившего выйти за красные стены на ночь глядя...

* * *

Выпустили. Переглянулись, пожали плечами, но ворота приоткрыли. Может, Ион передал приказ, а может, просто правило тут такое – чужаков не задерживать. Хотят наружу – скактертью дорожка.

Так или иначе, но я порадовался, что все обошлось без проблем. Иначе пришлось бы искать другие пути, наверняка более шумные, конфликтные и чреватые членовредительством для тех, кто попытался бы меня задержать. Ибо настрой в этот момент я имел крайне решительный и бескомпромиссный.

«Хаммер» я оставил за воротами. Это по шоссе, пусть даже поврежденному, на нем ехать – милое дело. А вот шастать по развалинам лучше на своих двоих. Оно и тише, и надежнее, хоть и медленнее намного. Но с этим уже ничего не поделаешь.

Ион сказал, что Мария ушла на восток следом за одичавшим Данилой. И не ошибся. Следы дружинника, отягощенного грузом мышц, отлично читались на земле. Это до Последней войны Москва была сплошь запакована в асфальт, словно воин в броню. Но за две сотни лет время успело превратить асфальтовые джунгли в реальные. И если широкие, продуваемые всеми ветрами проспекты пока еще не были укрыты надежным слоем нанесенной почвы, то между разрушенными домами земли скопилось предостаточно для того, чтобы на ней буйным цветом разрослись деревья и густые кустарники. Само собой, мутировавшие – повышенный радиационный фон только-только понизился до показателей, не критичных для человеческой жизни.

Понятное дело, в гущу зачастую плотоядных деревьев я не лез. Просто, перейдя Красную площадь, направился по бывшей Ильинке, двигаясь вдоль границы леса и пока еще асфальтовой улицы, высматривая в невысокой траве две цепочки следов – Данилы и моей жены, разбиравшейся в ремесле следопыта нисколько не хуже меня. Шла рядом, не пересекая глубоких отметин от рук-ног... а может, уже и лап бывшего дружинника.

Еще в Чернобыльской Зоне слышал я, что случается со сталкерами, хлебнувшими свежей крови мутанта. Понятное дело, ничего хорошего от этого не бывает. Наилучшее, что может произойти в этом случае, это скорая смерть, пусть даже и мучительная. А вот если организм не отторгнет чужеродное, примет измененную кровь, то и сам меняться начнет, причем немедленно и неотвратно.

Бывалые сталкеры говорили, что процесс порой занимает несколько часов. Был человек, а стало не пойми что. Урод не урод, зверь не зверь... Так, ошибка природы, причем ошибка, предпочитающая питаться свежей плотью представителей своего вида. Она у перерожденцев лучше всего усваивалась. И самое лучшее, что можно сделать для такого существа, это пристрелить его, чтобы не мучилось – а также чтобы в одну не прекрасную ночь в твоё горло не впились отросшие звериные клыки твоего недавнего товарища.

Я шел, недоумевая: зачем это Марии понадобилось преследовать перерожденца? Любовь такая вот неземная, что готова рискнуть жизнью, лишь бы попытаться спасти ненаглядного? Но ведь если мои предположения верны, то всё, не спасти его. Другой он теперь, не тот, каким был ранее. Не человек. И этим все сказано. Но у влюбленных женщин логика их поступков всегда на последнем месте...

Подумал так – и усмехнулся невесело. Ага, у них с логикой непорядок. А у тебя как с ней, в порядке? Тащиться вечером по смертельно опасному мертвому городу ради того, чтобы взглянуть в глаза жене, которую сам же и бросил по причине ревности к тому, по чьим следам она идет сейчас, словно привязанная? Взглянуть, прогнать какую-то романтическую чушь – и что дальше? Ну, пошлет она тебя и по-своему права будет. Сам бросил, теперь вернулся. На фига? Непонятно. Наверно, от избытка логики...

Развлекая себя такими мазохистскими мыслями, я, тем не менее, продолжал идти по следу...

До тех пор, пока не увидел труп.

Он валялся под насквозь проржавевшим, во многих местах простреленным дорожным указателем, на котором, тем не менее, еще можно было разобрать буквы «По..итех...ческий му... ей». Стрелка под надписью показывала на руины величественного здания, рядом с которыми, неловко подогнув под себя стальную ногу, валялся «Раптор».

Мертвый био – большая редкость в Москве. Особенно – целый мертвый био. Обычно, если такое случается и боевой робот погибает по каким-то причинам, его тело мгновенно растаскивается по частям. Стараются как сталкеры – охотники за металлом, так и сервы других биороботов, постоянно охотящиеся за запчастями для своих хозяев.

Судя по тому, что «Раптор» выглядел целым и невредимым, можно было понять – он сдох недавно. Скорее всего, даже сегодня – густая черная жидкость все еще капала из полуоткрытой пасти, возле которой собралась на асфальте небольшая лужица.

Я подошел, обмакнул палец в жидкость, понюхал... Ну да, знакомый запах машинного масла, замешанный на сладковатой вони гниющей крови. Такое порой вытекает из голов биороботов после того, как их разворотит удачно выпущенным пушечным ядром или снарядом. Но у этого био видимых повреждений не было. Хм-м-м...

– Ты от инсульта сдох, что ли? – поинтересовался я вслух.

Само собой, ответа не прозвучало.

– Ладно, – озадаченно произнес я. – Разберемся. Наверно...

На самом деле я даже предположить не мог, от чего погибла совершенная машина для убийства, ухитрившаяся до этого просуществовать аж две сотни лет. Может, и вправду встроенный в био человеческий мозг поизносился и умер, несмотря на уникальную встроенную систему поддержания его работоспособности? Не исключено. Хотя очень сомнительно. Эти системы выходят из строя крайне редко, и когда такое случается, мозги био просто высыхают и чернеют, а не взрываются внутри головы. Что ж, так или иначе, идем дальше...

Я рассчитывал до наступления темноты достичь Садового кольца и там заночевать, а уже утром думать о том, как пробираться дальше. Мрачная репутация Садового и его кое-где еще работающие инфразвуковые генераторы образовывали вдоль древних укреплений своеобразную «мертвую зону», куда мутанты и грабители предпочитали не соваться без особой нужды. Там я и собирался дожидаться рассвета, а дальше снова двинуть по следу.

Однако на пересечении двух широких улиц мне пришлось сбавить ход – я увидел умирающую крысособаку. Причем умирающую очень необычно. Мутант буквально корчился от боли, катаясь по асфальту и сжимая гибкими лапами собственную голову, словно пытаясь ее раздавить. Крысособака уже не выла, не рычала, лишь слабо хрипела – видимо, от невыносимой боли, раздирающей мозг изнутри.

Когда я приблизился, мутант поднял на меня глаза, пронизанные густой сетью красных лопнувших сосудов, скульнул из последних сил, будто просил о чем-то – и вдруг запрокинул голову назад, открывая горло.

Я не смог отказать мутанту. Достал «Сталкер» из ножен и сделал все быстро – вонзил широкий клинок под ухо, после чего резко рванул на себя и в сторону.

Под челюстью крысособаки раскрылся широкий разрез, из которого на асфальт хлынула кровь... и боль, стремительно оставляющая тело вместе с жизнью. Я успел заметить, как в глазах мутанта промелькнуло что-то вроде благодарности. Он даже попытался заскулить еще раз, типа, поблагодарить хотел – но перерезанное горло не позволило ему это сделать. Несчастная крысособака дернулась всем телом в последний раз, умиротворенно закрыла глаза – и умерла.

Вздохнув, я стряхнул кровь с клинка и вложил его в ножны. Что ж, очень надеюсь, что доброе дело мне зачтется и кто-то в будущем тоже одним движением облегчит мне страдания, если вдруг такое потребуется.

А еще я очень надеялся, что переживу надвигающуюся ночь. Мертвый био, умирающая крысособака, и у обоих явные признаки поражения мозга. Странно, что я ничего не чувствую, потому что уже понятно – нечто, обосновавшееся на востоке, канифолит мозги на расстоянии. Причем, видимо, всем, кто приближается к эпицентру этого нечто. А я – приближался. И не собирался отступать. Такой уж мы народ – сталкеры. Если поставили себе цель, ни за что не отступим...

Подбадривая себя эдакими высокопарными мыслями, я шел вперед, держа наизготовку «Вал» и прекрасно понимая, что вряд ли он мне поможет против неведомого зла. Судя по всему, московские мутанты либо разбежались перед этим злом, либо передохли, не выдержав промывки мозгов. Но там, впереди, была моя жена, которую я – что ж тут поделаешь – любил еще сильнее после того, как вспомнил всё. Почему? Да потому, что не может нормальный мужик разлюбить девушку, которая носила ему в тюрьму передачи, ту, которую он не раз вырывал из лап смерти, ту, чьи глаза сняты ему по сей день почти каждую ночь... Да, сучка, да, своенравная тварь, да, ненавижу порой – и люблю, хоть убей. Такие вот сопли творятся порой в душе суровых мужиков, и никто из них никогда не признается в этом даже себе самому...

Я шел – и чувствовал, что в моей голове рождается неприятный такой звон, будто крохотный комар запутался в переплетении нейронов мозга, и жужжит, и дергается, пытаясь вырваться наружу...

Понятно, что сейчас происходит. Я приближался. К чему? А Зона его знает к чему. Не исключено, что к закономерному финалу своих приключений, которых запросто на пятнадцать полновесных романов хватит, а то и поболее...

Впереди, в тени полуразрушенного дома, я заметил какое-то шевеление. Очередная крысособака? Или какой-то другой мутант, которого тоже придется добить, чтобы не мучился? Гляди, сталкер, как бы через пару сотен метров не пришлось себя самого добивать, ибо комарик в мозгу с каждым шагом матерел, увеличивался в размерах... И от его навязчивого звона, уже отдающего в ушах, все больше хотелось сесть на асфальт, достать нож, и выковырять его из головы отточенной сталью.

Но я еще держал себя в руках и даже был способен на сострадание. Поэтому не попер вперед по цепочке следов, вдавленных в серый мох, а свернул к зданию, рядом с которым корчилось несчастное существо, очень похожее со спины на человека.

Но это был не человек.

Когда я приблизился на расстояние ножевого удара, существо, услышав мои шаги, с усилием развернулось ко мне – и я увидел, как последние тусклые лучи заходящего солнца отразились в единственном глазе мутанта.

Шам.

Причем шам, которого я меньше всего ожидал увидеть.

– Ну, здравствуй, Фыф, – сказал я – и невольно поморщился. Комар в голове, похоже, вырвался из плена и готовился начать искать путь наружу из моего черепа.

– Здорово, Снайпер, – с натугой произнес мой старый приятель. – Я тоже безмерно рад тебя видеть, того и гляди блевану. Но ты не подумай, не от того, что твою физиономию увидел. Просто уж больно он, падла, сильный...

– Кто?

– А ты не чувствуешь? Шам. Причем не наш. Пришлый, с востока. Я ж вижу его ментально, чувствую, чем он дышит. Он пятиглазый шайн-полукровка, силы невероятной. Наши по сравнению с ним – дети. Шайны-то всё вокруг Москвы ошивались, пару-тройку объектов захватили и на большее не рассчитывали – силенок не хватало на Кремль пойти. А этот шайн...

Фыф скривился от боли, сдвинул лапами виски, но пересилил себя и продолжил:

– А этот шайн... то есть шам... В общем, он подчинил себе сначала всех соплеменников вместе с их предводителями-нойонами, а потом принялся за московских мутантов. Он их всех собрал в огромную армию, которую вот-вот двинет на Кремль. Ему Купол открыть – как тебе консерву. А тем, кто пытается сопротивляться, он просто выжигает мозги...

– Занятно, – произнес я. – Только не логичнее ли ему было с его-то способностями просто подчинить себе кремлевских?

– Все не так просто, – Фыф качнул глазными щупальцами. – Он по мутантам спец, по измененным мозгам. С людьми у него хуже получается... Особенно с русскими, у которых очень специфический менталитет. Вот шайн и решил подстраховаться. Гораздо проще бросить войска на крепость, чем напрягать мозги, пытаясь подчинить тех, кто генетически не привык подчиняться всякой сволочи...

– Ясно, – кивнул я. – Ну а ты чего тут? Почему не ушел, когда почувствовал воздействие?

– А ты почему не ушел? – горько усмехнулся шам. – Вот и я потому же. Пятиглазый забрал Настю. Мы тут неплохой заброшенный маркитантский бункер нашли неподалеку, с хорошим запасом восстановленных консервов и качественного алкоголя. Может, грохнул кто группировку торгашей, или еще что случилось. А бункер – остался. Вот мы и жили в свое удовольствие. Прямо рай в шалаше, только очень уж ей не нравилось мое пьянство... Но я украдкой все равно прикладывался к бутылке. Ну, а сегодня проснулся я с бодунища – а Насти-то и нет. И вместо нее – образы в башке. Чужие. Зов невероятной силы. Тут я все и понял. Проклял свое пьянство беспробудное, в очередной раз поклялся завязать, собрался – и пошел за ней.

Фыф снова поморщился.

– Только он меня тоже чувствует. И давит, козлина. Не дойти нам. Мозги взорвет и мне, и тебе, если приблизимся... Хотя... Не пойму. Вроде башку отпустило маленько... С чего бы это?

Кстати, мне тоже стало полегче, словно мой комар в голове хлебнул Фыфовой крови, перенасыщенной алкоголем. Лапками шевелит, но уже не так активно, и жужжит ему как-то невесело.

И тут я почувствовал, что к моей ноге будто утюг приложили. Не особо горячий, но чувствительный.

Я опустил глаза.

Ну, конечно...

«Бритва»!

Из-под гарды моего боевого ножа лился лазурный свет.

Я вытащил «Бритву» из нагретых ножен – и клинок засиял, словно стеклянный сосуд необычной формы, внутри которого кто-то вложил кусочек чистого неба, пронизанного лучами восходящего солнца.

– Твой нож защищает тебя... А теперь и меня, – хрипло произнес Фыф. – Но я чувствую, что это ненадолго. Шайн сильнее самых сильных артефактов, и даже твоя «Бритва» для него лишь незначительная помеха...

– Вперед! – решительно произнес я. После чего вогнал сверкающую «Бритву» обратно в ножны, схватил шама за шиворот его куртки, рывком поставил на ноги, сунул в безвольные лапы старого друга автомат «Кедр», который Фыф выронил, когда падал, и слегка подтолкнул шама в спину для ускорения.

– Безумец, – вздохнул тот. Но спорить не стал и побежал рядом со мной, шустро перебирая нижними лапами и стараясь не отставать. Видимо, защитное поле, излучаемое моим ножом, распространялось на очень незначительное расстояние, и Фыфу ничего не оставалось более, как бежать рядом со мной.

Цепочка уже едва видимых следов повернула правее. Мы бежали по неширокой улице, мимо полуразрушенных старинных трехэтажных домов, похожих на могильные склепы, обветшавшие и местами осыпавшиеся от времени. Хотя бежали – громко сказано. Мы буквально продирались сквозь невидимый ментальный барьер, но продолжали двигаться вперед.

До тех пор, пока не увидели их...

Они стояли цепью впереди, воины в старинных черных доспехах, похожие на чугунные памятники, сошедшие с постаментов и взявшие в руки автоматы.

– Шайны называют их кешиктенами... – прохрипел Фыф. – Элитные воины... Уже здесь... Пятиглазый подчинил себе местных Властелинов Колец, и они пропустили кешиков, чтобы те остановили нас...

Он говорил что-то еще, но мое личное время уже начало замедляться, поэтому я не разобрал последних слов шама. Я просто видел, как кешиктены медленно и синхронно, словно роботы, поднимают автоматы. Им даже целиться особо не придется. Улица узкая, с одной стороны – дома, с другой – сквер с непролазной чащей плотоядных деревьев-мутантов. Так что никуда мы не денемся...

Но мы никуда и не собирались деваться.

Я помнил, что Фыф тоже умеет общаться ментально. Конечно, не на таком уровне, как этот Пятиглазый, но умеет... И сейчас, когда говорить слова было слишком долго, я просто мысленно послал Фыфу просьбу, особо ни на что не надеясь:

«Бей! Ударь их головой, как ты умеешь!!!»

Шам, лицо которого только что было искажено болью, вдруг словно дозу стимулятора получил – его тонкогубый рот расплылся в зловещей ухмылке. Он даже свой «Кедр» опустил, хотя огневая поддержка мне бы сейчас ой как пригодилась.

Но Фыф поддержал меня иначе.

Внезапно по строю кешиктенов словно хлестнули гигантской невидимой плетью. Черные воины вздрогнули, все как один. Трое или четверо – наверно, самые слабые на голову – уронили автоматы и, упав на колени, схватились за черные шлемы со стальными масками, словно через них могли сжать ладонями виски.

Остальных ментальный удар Фыфа лишь неслабо потряхнул, сбил прицел – и в результате дал мне несколько секунд. Пять, а может, семь. В замедленном времени мгновения растягиваются, как резиновые, и ты можешь стрелять, стрелять, стрелять по практически неподвижным черным фигурам, лишь мысленно ведя счет оставшимся патронам... и понимая, что мне все равно не успеть убить всех. Потому что даже растянувшиеся секунды не панацея в скоротечном бою.

Я отстреливал кешиктенов планомерно, без суеты, по старому снайперскому принципу: один выстрел – одним меньше, посылая пулю за пулей в черные головы, запакованные в толстые шлемы. Да только бронебойной пуле те шлемы – что картонные. Кешиктены падали один за другим, но их еще оставалось вполне достаточно, чтобы успеть сделать из меня решето. Вон трое крайних в этом ряду живых черных кеглей поднимают автоматы, и не успеваю я, не успеваю выбить их мозги наружу, потому что у меня на очереди еще пятеро, потому что перевести автомат правее – значит, потерять еще долю мгновения, за которую остальные очухаются и тоже начнут стрелять...

Но тут слева от меня замигали вспышки.

Конечно, пистолетные пули «Кедра» по сравнению с бронебойными СП-6 «Вала» – все равно что сушеные горошины по сравнению со свинцовой дробью. Но и горошиной можно засветить в глаз так, что зрение от боли отключится на некоторое время.

Вот и Фыф оказался молодцом. Вовремя, очень вовремя хлестнул он очередью по черным шлемам, заставив их отвлечься, двинуть стволами автоматов в свою сторону – и дать мне еще одну секунду. Одну-единственную. Достаточную для того, чтобы расправиться со всеми.

Они лежали на асфальте, так и не успевшие выстрелить ни разу. И я чувствовал, что вот-вот и сам рухну – одновременно сопротивляться ментальному давлению и растягивать время оказалось для моего организма непосильной задачей.

Для Фыфова – тоже. Маленький мутант, обняв свой «Кедр», скорчился на асфальте и дышал часто-часто, словно загнанная гончая. Правда, несмотря на это, смог выдавить из себя:

– А все-таки... мы их... сделали!

– Угу, – сказал я.

На большее сил не было.

Режим замедленного времени, помноженный на борьбу с гигантским комаром в башке, на выходе дали ватные конечности и слегка расплывчатое восприятие мира. То есть воин из меня теперь был никакущий. На ногах стоял – и то подвиг. Стоял и смотрел, как из вечернего сумрака величаво так выплывает хозяин моего комара. Тот, кто смог одним мысленным щелчком сжечь извилины био и крысособаки, которые повстречались на моем пути, а также, думаю, испепелить мозги десятков, а может, сотен тварей, которые на захотели ему подчиниться.

Он был большим, этот шам. Раза в три больше своих низкорослых братьев, метра два ростом, и в плечах – немногим меньше. На его лысой башке горели красным огнем пять глаз – два на обычном месте, в человеческих глазницах, два над бровями, и один – во лбу. Эдакая пирамида из глаз, похожих на раскаленные угли.

«Неплохо для хомо, – прошелестело у меня в голове. – Для хомо и недоделанного уродца, который называет себя шамом. Но игры закончились».

Красные глаза синхронно моргнули – и вдруг начали стремительно увеличиваться в размерах, заполняя огненными сполохами весь мир, всего меня, сжигая изнутри, словно весь я превратился в сосуд из плоти, заполненный горящим напалмом. Мои пальцы непроизвольно разжались, автомат с лязгом упал под ноги...

«Прощайте, жалкие уродцы», – раздался смешок в моей пылающей голове...

И, как ни странно, это издевательское хихиканье придало мне сил.

Нет, бороться с этой тварью я не мог – глупо пытаться заткнуть извергающийся вулкан, тем более когда твои руки и ноги едва шевелятся. Но спастись от него – это необходимость. Хотя бы для того, чтобы однажды вернуться...

Из последних сил я рванул из ножен «Бритву» и нанес ею длинный удар, словно вспарывал сверху донизу огромную картину, растянутую от свинцовых туч до растрескавшегося асфальта под ногами.

И картина поддалась.

Послышался треск, лазурные молнии побежали по разошедшимся в стороны краям разреза. Пространство, рассеченное «Бритвой», дрожало и грозило схлопнуться обратно. Но молнии, то и дело пробегающие по краям разреза, держали его, словно электрические пальцы.

У меня не было времени смотреть, что же находится там, за краем междумирья. У меня было одно, может, два мгновения для того, чтобы уйти от ментального удара ужасающей силы, после которого мой мозг будет напоминать черную головешку. Поэтому все, что я смог сделать, это схватить Фыфа за воротник его куртки, швырнуть безвольное тело вперед и шагнуть следом, всерьез опасаясь упасть, так как я уже не видел, куда шагаю, – весь окружающий мир поглотил огонь, и не было от него спасения... кроме одного шага навстречу этому огню...

Я шагнул – и все-таки упал на колено, не удержавшись на ногах. И непременно завалился бы на бок, если б не успел чисто на автомате перевернуть «Бритву» обратным хватом и вонзить ее в землю.

В землю...

Да, под моими ногами была земля. Толстый ее слой, а не асфальт, присыпанный почвой. А в моей голове еще билось эхо разочарованного вопля пятиглазого шама: «Очень неплохо, хомо! Ну и ладно. Проваливай туда, откуда пришел».

Туда, откуда я пришел? Что он имел в виду?

Я зажмурился изо всех сил, словно хотел раздавить веками сполохи пламени, все еще мечущиеся перед глазами... Эти отпечатавшиеся на сетчатке огненные тени смерти, которой мне чудом удалось избежать.

Стало немного легче. И проклятый комар в голове исчез. Теперь оставалось проверить, целы ли глаза. И сделать это можно было только одним способом.

Хотя, признаться, делать этого мне не хотелось.

Потому что мои ноздри щекотал очень знакомый запах запустения, какой бывает на старых пустырях и заброшенных свалках. Я уже догадывался, что сейчас увижу. Догадывался – и одновременно боялся того, что догадка станет реальностью, от которой потом будет уже никуда не деться. Я тянул эти мгновения темноты, как гурман, смакующий изысканное блюдо и знающий, что ему никогда больше не придется его отведать. Я знал: одно короткое движение век – и старый мир, знакомый и ненавистный, ворвется в мою жизнь, словно сезонный ураган, вновь и вновь сметающий на своем пути все живое. Старый, не нужный мне мир, из которого я много раз уходил навсегда для того, чтобы никогда больше сюда не возвращаться...

Но прятаться от реальности никогда не было в моих правилах. Поэтому я дал себе еще несколько секунд блаженной темноты – и с усилием разодрал веки.

Свет ударил в глаза. На самом деле он был тусклым и безжизненным, этот солнечный свет, с трудом пробивающийся из-за сплошной пелены свинцовых туч. Но для чувствительных глазных нервов, все еще до конца не восстановившихся после ментального удара, этого было вполне достаточно. Сразу захотелось вновь смежить веки, но я не дал себе этого сделать. Мгновения блаженного неведения миновали. Наступило время сурового настоящего.

Я медленно поднялся с сырой земли.

Внизу, под ногами росла серая, больная трава, чудом выжившая на зараженной земле, а прямо передо мной торчал большой плакат, на котором была начертана надпись, полуразмытая кислотными дождями:

«Grift! Забронирована зона!»

И знак рядом с надписью – треугольник с трехлопастным пропеллером и подписью мелким шрифтом под ним «Радиоактивность!».

– Твою мать, только не это... – прошептал я.

– Что «только не это»? – раздался голос слева от меня. – Где мы?

– Там, куда бы я меньше всего хотел попасть, – процедил я сквозь зубы. – В Зоне. Чернобыльской Зоне.

– Это где? – хрипло поинтересовался Фыф – и закашлялся.

– В Украине.

– Где?!

– Это другой мир, дружище, – проговорил я. – Вообще другой мир. Не Москва, не Россия. Тут на каждом шагу аномалии... Мутанты, похожие на людей. И люди – хуже мутантов.

– Так у нас то же самое, – отозвался шам. – Везде то же самое. Те же яйца, только в профиль.

– Те же – да не те, – проговорил я, осматриваясь. – Ты еще не знаешь, что такое местные группировки и армейские сталкеры.

– В смысле? Маркитанты, что ли?

– Хуже, – нахмурился я. – Группировки – это базирующиеся в Зоне подразделения хорошо подготовленных сталкеров, в основном бывших военных. А армейские сталкеры – те же самые персонажи, только работающие на правительство.

– То есть воюющие с группировками? – смекнул Фыф.

– С ними, – кивнул я. – И с нами, сталкерами-одиночками. Кстати, одиночек тут все отстреливают – и группировки, и военные, и бандиты.

– Почему?

– Все просто, – пожал я плечами. – Тот, кто смог выжить в Зоне один, – самый удачливый в плане хабара, таскающий наиболее ценные артефакты из-под носа группировок, правительства и охотников за удачей.

– Понятно.

Про артефакты и хабар Фыф был в курсе, я ему как-то рассказывал про Чернобыльскую Зону, откуда пришел в его мир. И сейчас, потерев лапками виски наверняка все еще гудящей головы, выдал:

– Короче, зашибись мы попали. Другой мир, другая Зона. Офигеть. А с девчонками нашими что будет? С нашими друзьями, что в Кремле остались? С самим Кремлем?

Я вздохнул. На эти вопросы у меня ответа не было.

– Не знаю, – ответил я честно. – Выбор, сам понимаешь, у нас имелся небольшой. Или сдохнуть, или отступить. В данном случае отступить получилось сюда, так как выбора у нас не было. Мы сделали все, что могли, – и проиграли. Теперь нужно выжить. Хотя бы для того, чтобы попытаться вернуться.

– Это да, – кивнул Фыф. – Выжить – это мы завсегда. Девчонок только жалко...

– Не ной, ладно? – отрезал я. – Самому тошно. Видишь – теперь это просто железка.

Я ткнул ему под нос «Бритву» – обычный нож без признаков какого-либо сияния.

– Зарядится – попробуем обратно пробиться.

– И как она заряжается? – встрепенулся Фыф.

– Хрен ее знает, – честно ответил я. – Вроде как от убийств, типа, души забирает. А может, от других источников энергии. От Полей Смерти заряжалась... Только тут их нет. Во всяком случае, раньше не было.

– Понятно, – приуныл шам. – В общем, мочим энное количество твоих армейских сталкеров и при этом надеемся, что твоя «Бритва» зарядится и приведет нас обратно в Москву.

– Может, и так, – пожал я плечами... и тут же присел за куст, схватив шама за рукав куртки и рванув следом за собой. – Только прежде надо, чтобы нас не замочили. Тут это запросто, как два пальца оплевать.

Портал, выбросивший нас в мир Зоны, открылся в самом уныло-типичном месте. Невдалеке черная стена леса, над головами – свинцово-серое небо, под ногами – жухлая, мертвая трава. Прямо перед нами – колючая проволока, на которой болтается запрещающий плакат, а за спинами – дорога. Грунтовка с глубоко продавленной колеей от колес с протектором, не оставляющим сомнений относительно того, кто тут катается с таким завидным упорством.

Это, без сомнения, был кордон. Не самый опасный его участок, но и далеко не маршрут для вечернего моциона. Хотя бы потому, что, судя по звуку двигателя, к нам приближался БТР – сюрприз для нас с Фыфом крайне неприятный. Хотя бы потому, что и мой «Вал», и «Кедр» шама остались в Москве – не было у нас лишних секунд, чтобы подобрать оружие. Да и не о том думалось, когда мозги готовы были вот-вот расплавиться.

Так что теперь в активе имелись у нас:

– мой пистолет Ярыгина – одна единица, плюс два полных магазина к нему,

– два моих боевых ножа – «Бритва» и «Сталкер»,

– рюкзак с запасом воды и провианта на три дня (на двоих – дели на два),

– около сотни крайне дефицитных патронов СП-6,
– и один крайне прожорливый мутант-алкоголик с грустной мордой – в качестве безоружного ноющего балласта, думаю, бесполезного в данной конкретной Зоне.

Кто-то скажет, мол, неплохо для старта. На что я ответил бы: хреноее только оказаться совершенно голым в районе Саркофага. Потому что в Чернобыльской Зоне, чтобы выжить хотя бы сутки, нужно иметь как минимум пару автоматов на двоих с достаточным количеством патронов к ним. Иначе ты просто пища для мутантов либо легкая добыча для охотников на сталкеров... Которые, кстати, сейчас к нам и приближались, судя по нарастающему гудению мотора. Ибо охранники Периметра – это всегда охотники за головами. Все знают, что за каждого отстреленного сталкера им нехилые премиальные выписывают. Причем за убитых дают больше, чем за живых, – с живыми мороки больше. Корми их, пои, суди справедливым судом, содержи в тюрьмах, трать на них государственные деньги. А тут – нажал на спуск, и всё. Был сталкер – была проблема. Нет сталкера – нет проблем.

У них-то, может, проблем и не было. А вот у нас была. И неслабая.

На том месте, где уже успел схлопнуться разрез между мирами, наблюдалось большое пятно выжженной земли – так всегда бывает после перехода. Приметное такое, слегка дымящееся, мимо которого никак не пройдет любой уважающий себя следопыт. Либо охранник Периметра, охотящийся за сталкерами. Если что-то непонятное возле колючки, остановятся непременно, все обнюхают и обязательно найдут нас, прячущихся за кустами...

– Ну вот, похоже, попали мы нехило, – тихо сказал я, доставая из кобуры «ярыгина». – Живыми им сдаваться не рекомендуется. Забьют до смерти ради развлечения, а это долго и неприятно.

– Блин, у меня и оружия-то нет, – прошептал Фыф.

Вместо ответа я достал из-за голенища берца боевой нож «Сталкер» и протянул его Фыфу рукоятью вперед. Хотя и не дело это, с ножом против бронетранспортера, но совсем без оружия мужик быть не должен. Особенно – в Зоне.

Наконец, в просвет между веток я увидел, как по дороге медленно ползет БТР-80. Башня повернута в сторону Зоны, то есть пулеметы смотрят прямо на нас. Малейшее что-то покажется наводчику подозрительным, и через пару секунд ошметки наших тел, разорванных горячим свинцом, повиснут на колючей проволоке в назидание тем, кто ошибается возле запретной зоны.

На броне сидели двое бойцов, упакованных в «флору». Их автоматы лежали на коленях, но так, чтобы в любой момент можно было от бедра полоснуть очередью по любому подозрительному кусту.

– Может, пронесет? – прошептал Фыф.

– Может, и пронесет, – отозвался я. – Особенно хорошо бы, чтоб как следует пронесло вон того мордатого, что глаза в нашу сторону щурит. Глядишь, отвлечется и пятно не заметит.

Но у мордатого с пищеварением было все замечательно. Не настигла его кишечная кара, а вот пятно он заметил, после чего немедленно постучал прикладом по броне. Сволочь...

Механик-водитель немедленно тормознул, а башня принялась неторопливо рыскать пулеметными носами, словно башка фантастического стального хищника, принимающего к следу добычи.

И тут меня осенило.

– Фыф, – прошептал я. – По мозгам им дать можешь? Или хотя бы туман поставить?

– Нет, – с сожалением в голосе отозвался шам. – Сил нету. Все на пятиглазого ушли.

– Твою тещу... – ругнулся я, неторопливо пристраивая ствол «ярыгина» меж веток. – Ну, значит, готовимся помереть героями...

Между тем мордатый с напарником соскочили с брони, осторожно подошли к пятну, бегло осмотрели его, а потом мордатый шагнул в центр выжженного участка, пошарил взгля-

дом по траве – и увидел наши следы. Это было несложно даже для начинающего охотника за головами. Уходили мы из Москвы с ее раскрошенным асфальтом, и сейчас на выцветших травинках хорошо была заметна темно-серая пыль другого мира.

Вместе со взглядом мордатого поднимался его автомат. Еще мгновение – и линия выстрела воткнется точно мне в грудь. А потом военный увидит меж ветвей мои глаза и ствол пистолета, направленный на него... Дальше ясно. Я выстрелю, он, может, и не успеет. Но следом ударят пулеметы БТР. Однако как бы там ни было, но я все равно не уйду один в Край Вечной войны и хоть одного врага заберу с собой.

Я медленно потянул за спусковой крючок, выбирая слабинку. Даже точку наметил на щекастой рыхе, между лохматых бровей. Как только его взгляд перехвачу, так и поставлю эту точку. Последнюю и в его жизни, и в моей.

Но тут позади меня раздалось шипение, и я на долю секунды отвлекся. Мой палец замер на спуске... и вдруг я увидел, как глаза мордатого лопнули, будто простреленные перепелиные яйца. На круглые щеки военного плеснуло их содержимое, потекло вниз...

Мордатый выронил автомат и схватился за лицо. По волосатым пальцам потекла белесая жидкость.

– Ааааа! Аааааа!!!

Крик ослепленного был страшен. Его напарник прямо с места отпрыгнул на метр, словно испуганный кот.

– Аномалия! – заорал он. – Сука! Монстр в аномалию вляпался!

Щекастый с позывным «Монстр», держась за лицо, валялся посреди дымящегося пятна, был и сучил ногами. Люк БТР открылся, из него показалась голова в черном шлеме.

– Трындец Монстру, – сказала голова. – Расходуй его, и погнажи. Надо доложить на Ольховую, что аномалия вылезла за Периметр.

– А автомат? – поинтересовался напарник, нервно щелкнув предохранителем своего АК.

– Тебе надо – ты и доставай, – сказала голова. – Я в аномалию не лезу, тем более – в неизвестную.

И скрылась в недрах БТР.

– Ну, звиняй, Монстр, – сказал автоматчик, поднимая свое оружие. – Сам виноват. Не лез бы куда не просят, был бы с глазами. Следопыт, мля...

И дал короткую очередь.

Голова щекастого лопнула, словно перезрелый арбуз, на черное пятно полетели красно-белые ошметки. Неаппетитное зрелище. Поначалу некоторых новобранцев, увидевших такое, выворачивает как после литра рвотного, принятого вовнутрь. Потом ничего, привыкают. Человек – он как таракан. Ко всему адаптироваться может, кроме тапка и автоматной очереди.

Видимо, не особо любили Монстра в коллективе. Отстрелявшись, напарник следопыта закинул свой автомат за спину, плюнул себе под ноги и полез на броню. БТР рывкнул двигателем, развернулся и быстро покатиł обратно, словно экипаж боевой машины спешил поскорее убраться подальше от неизвестной аномалии.

– Вот она, жизнь-жестянка, – задумчиво протянул я, пряча пистолет в кобуру. – От слова «жесть».

И обернулся.

Фыф сидел на земле и продолжал шипеть. От боли. Понятное дело, больно это, если вогнать себе в руку клинок боевого ножа на пару сантиметров, а потом еще и повернуть. Из раны на землю часто-часто капала темная кровь.

– И на фига? – осведомился я, при этом чисто механически, на рефлексах уже доставая аптечку и жгут из кармана разгрузки.

– Сил не было, – признался шам. – Пришлось стимулировать нервную систему.

– Ну, куснул бы себя за палец, что ли, – пожал я плечами. – Зачем так радикально-то?

– Палец я ж на нервах и откусить могу. Жалко палец, – поморщился Фыф. – Ты нож из меня достанешь или трепаться будешь?

– А сам никак?

– Боюсь, – признался шам, опуская взгляд единственного глаза. – Больно же.

– Понятно, – кивнул я. Знакомый синдром. Скажем, в запале мочит новобранец вражью силу чем ни попади – ножом, саперной лопаткой, зубами рвет. А потом, после боя, надрывно, с душой блюет в сторонке. Это боевой запал, генетическое наследие предков наших, прошел, и накатило цивилизованное воспитание, от которого на войне ничего, кроме тошнيلовки, не бывает.

В общем, выдернул я «Сталкер» из лапки шама, поморщился от его шипения прямо в ухо, захлестнул жгут выше локтя, наскоро перевязал рану, открыл аптечку – и присвистнул.

Барма не поскупился. В аптечке лежал шприц-тюбик, снаряженный не промедолом, и даже не морфином, а самым натуральным буторфанолом. Короче, повезло одноглазому.

Ввел я ему анальгетик в вену, и пока шама не накрыло, отправился в «аномалию», посмотреть, что у нас там с трофеями.

Результатом тщательного осмотра мертвого врага явился:

- автомат АК74 средней степени убитости,
- поясная сумка с четырьмя магазинами, масленкой и принадлежностями к автомату,
- две гранаты, Ф-1 и РГД-5,
- три бутерброда с салом, завернутые в промасленную бумагу,
- фляжка с водой и еще одна, плоская, судя по запаху – со спиртом,
- карта местности, заюзанная изрядно, но вполне еще годная,
- и еще один отличный трофей, штатовский мультитул, изначально названный его изобретателем «карманным инструментом для выживания».

Собрав трофеи и оттащив подальше в кусты труп застреленного, чтоб с дороги его не видно было, я вернулся обратно в укрытие.

Фыфа уже накрыло. Глаз блаженно закатился, тонкогубый рот расплылся в блаженной улыбке. Тащится шам. Ну и хорошо.

Понятно, что чинить его прямо тут, в кустах, ни фига не тема. Приедут дружки покойного Монстра, начнут прочесывать округу – и накроемся мы медным котелком. Поэтому оставалось только одно – уйти туда, куда ни один вояка не сунется без острой необходимости.

В Зону.

С мультитулом это оказалось гораздо проще, чем без него. Закаленная сталь плоскогубцев перекусывала колючую проволоку, как Бобик сосиску. Через пять минут в ограждении уже была проделана дыра, вполне достаточная для проникновения на запретную территорию.

Ну, мы и проникли. Вернее, я проник, волоча за собой шама, которого с буторфанолом торкнуло конкретно, после чего я получил в довесок к трофеям сонного мутанта с резиново-довольной улыбкой дебила, ни в какую не желающего передвигаться самостоятельно. Как говорится, хотел как лучше, а получилось как всегда. Ладно. Фыф нас обоих от смерти спас, взорвав глаза Монстра ментальным ударом, так что пусть тащится. Заслужил.

За время моего отсутствия Зона ничуть не изменилась. Та же серая трава. Те же деревья с листвою, рыжеватой не столько от осени, сколько от радиации. То же низкое небо, похожее на надгробие, которое вот-вот рухнет тебе на голову. И тот же сырой запах смерти и запустения, который хрен когда забудешь. Куда бы ни занесла тебя судьба, этот запах всегда с тобой, ты пропитан им насквозь, и никогда ему уже не выветриться из твоей дубленой, простреленной, покоцанной ножами шкуры...

Все эти невеселые мысли я гонял в каком-то овраге, штопая лапку Фыфа, так и продолжающего лыбиться в небо. Надо же, как наши армейские анальгетики действуют на шамов. Людей-то послабее забирает. Хотя – ладно. Рана глубокая, и при более слабой анестезии Фыф

шипел бы не переставая, а шип у него, кстати, весьма омерзительный. Так что нет худа без добра.

В аптечке нашлось все необходимое, включая шелк и набор изогнутых хирургических игл. А шить раны при помощи мультитуловских плоскогубцев – милое дело. В общем, мне хватило двадцати минут, чтобы закончить обработку и ушивание раны, а также обдумать наше положение.

Военный упомянул Ольховую, село возле блокпоста «Вильча», в котором, как я помнил, базировалась одна из рот охраны западной части Периметра. Стало быть, нас выбросило неподалеку от границы Украины с Беларусью, в самой глухой части Зоны. Даже бывалые сталкеры не знали, что здесь творится. Густой лес, непроходимый кустарник, а также обилие огромных змей и злобных мутантов надежно охраняли этот участок зараженной территории от непрошенных гостей.

Тем не менее обратно нам хода не было. В мире по ту сторону колючей проволоки моя физиономия имеется в каждом компьютере любой из силовых структур в разделе «Особо опасен». А Фыфу вообще крупно повезло, что он попал сюда, а не в любую другую точку этого мира, так как единственное место на планете, где существа с его физиономией могли жить, это Зоны. На Большой земле мутанты либо оперативно захватывались и по-тихому уничтожались, либо отправлялись в лаборатории для изуверских исследований.

В общем, закончил я штопку, снова перевязал лапку мутанта, используя второй, крайне дефицитный перевязочный пакет. После чего достал трофейную карту и принялся прикидывать, как нам лучше добраться до знакомых мест, где такие, как я и Фыф, имеют больше шансов на выживание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.